

Кира Измайлова

Анна Орлова

Футарк. Первый АТТ

Исколем и расколем!

Annotation

Виктор Кин превыше всего ценит покой и тишину и нежно любит кактусы. Увы, покой достойному джентльмену только снится! Родственники доставляют сплошные неприятности, таинственные происшествия сотрясают маленький провинциальный городок, дают о себе знать тайны прошлого... Замкнутый мизантроп Кин просто вынужден общаться с самыми разными людьми начиная от полицейских, мошенников, свободных художников и членов Королевского географического общества до призраков и фэйри! Хорошо еще, что, зайдя в тупик в очередном расследовании, Виктор с помощью рун всегда может отыскать подсказку. И не важно, идет речь о таинственном ограблении в поезде, отравлении при незаконном производстве спичек или о давней дуэли со смертельным исходом.

Итак, старая добрая Англия, провинция, сыщик-любитель – смешать, но не взбалтывать...

Кира Измайлова, Анна Орлова

Футарк. Первый атт

* * *

Футарк – древний германо-скандинавский алфавит.

Наиболее известен так называемый Старший Футарк, состоящий из двадцати четырех знаков – рун.

Старший Футарк подразделяется на три части – три атта, каждый из которых состоит из восьми рун. Порядок расположения рун четко определен и подчинен внутренним закономерностям.

Руны не только применялись для письма, но и широко использовались в магии, в частности, в гадании. При гадании каждая руна имела несколько значений. При этом знак трактовался в зависимости от того, в прямом или перевернутом виде он выпал.

Глава 1

ФЕХУ^[1]

Немного о разных глазах, акционерных обществах и кузене Сириле

*Богатство – источник раздора родни.
Как в море пожар, как волк в лесной чаще.
Но благо для добрых и трудолюбивых.*

Англо-саксонская хроника^[2]

– Ларример! – Голос мой раскатился по дому, вызвав эхо. Откуда, спрашивается, взялся эху в обычном городском доме, пусть и старинном? Ан нет, звучит. Хорошо еще, лавины не сходят; впрочем, я бы не удивился. – Ларример!

И он явился, невозмутимый, как верблюд, и величественный, словно заснеженные горные вершины. Особое сходство с последними моему дворецкому придавали благородные седины и изрядный рост. Насколько я знаю, в юности он служил в гренадерах.

– Утренняя почта, сэр! – провозгласил он.

– Благодарю, – рассеянно сказал я, забирая с подноса стопку писем. Счета, счета, рекламные проспекты... хм, очередное любовное послание, судя по запаху духов, – его, не читая, в камин... А сиреневый конверт от тетушки Мейбл лучше оставить на потом. Не хочется портить себе аппетит перед завтраком. – Ларример, куда вы подевали мой запасной глаз?

– Который именно, сэр? – по-прежнему невозмутимо поинтересовался дворецкий.

– Хм... пожалуй, карий, – ответил я.

– Если мне будет позволено отметить... – Ларример сделал выразительную паузу, а поскольку я его не остановил, то продолжил: – Столь сильное различие неизменно привлекает взгляд, в особенности же юных барышень...

– Во-первых, – ответил я, – благодаря этому у нас нет проблем с растопкой для камина. А во-вторых, сегодня я намерен весь день посвятить моим крошкам. Уж больно снаружи сыро!

– Совершенно с вами согласен, сэр, – наклонил седую голову дворецкий.

– Так принесите мне глаз наконец!

После плотного завтрака я вновь взял в руки сиреневый конверт. Он буквально гипнотизировал меня... В том смысле, что мне мучительно хотелось поступить с ним так же, как с любовным посланием и рекламными проспектами! Увы, не получи тетушка Мейбл от меня ответа, она засыплет меня письмами. А то с нее еще станется явиться лично, а это неизмеримо хуже...

Может быть, отложить письмо до вечера? Впрочем, нет, тогда мне обеспечены ночные кошмары, а сейчас я хотя бы смогу успокоить нервы в компании моих верных любимцев... И я решительно вскрыл конверт.

На трех листах тетушка Мейбл обстоятельно, с многочисленными повторами описывала

состояние своего драгоценного здоровья. Продираясь сквозь витиеватый старомодный почерк, я едва не задремал в кресле, как вдруг мое внимание привлекла очередная фраза... Так я и знал! Вести оказались куда хуже, чем я мог предположить...

Мой дражайший кузен Сирил и прежде славился некоторым сумасбродством, однако на сей раз он превзошел сам себя! Нет, он не проигрался на скачках, не начал разводить охотничьих собак и не собрался жениться на актрисе варьете. То все были мелочи, как мне теперь стало понятно... Сирил, насколько я смог понять из сумбурного повествования тетушки Мейбл, ввязался в некую сомнительную аферу с каким-то акционерным обществом. Барыши ловкие предприниматели обещали огромные, нужно было лишь купить определенное количество акций, а затем привести еще с десятков клиентов. И, разумеется, убедить их тоже вступить в общество... Конечно, Сирил спустил все наличные деньги (а их было не так уж много), однако то ли его знакомые оказались более здравомыслящими, то ли кузена моего Бог обделил даром убеждения, но собрать достаточно новых клиентов для общества он не сумел. Увы, сказали ему, в таком случае – никаких дивидендов, таков был уговор! Но, впрочем, он может купить еще акций и попытать счастья снова... Как вы полагаете, что сделал этот... не слишком разумный молодой человек? Верно, влез в долги! И, конечно, к моменту, когда пришла пора расплачиваться с ними, у него в кармане не оказалось ни пенни... Тетушка Мейбл, обожавшая своего непутевого отпрыска до умопомрачения, вынуждена была распродать кое-что из драгоценностей и даже заложить мебель, а теперь просила у меня разрешения заложить поместье. И вот подошло время возвращать долги, и...

Одним словом, я мог бы одолжить Сирилу денег, лишь бы тетушка не лишилась любимого своего поместья и не поселилась под моей крышей – разве сумел бы я лишить ее приюта? Беда в том, что проделывал это я уже не раз, но без всякой видимой пользы. Сирил каялся и клялся, что больше никогда не станет ввязываться в сомнительные предприятия, но проходило время, и все возвращалось на круги своя. И ладно еще карточные долги! На этот раз все зашло слишком далеко! В следующий раз поместье, чего доброго, и впрямь пустят с молотка...

И что прикажете делать? Я видел только один выход: пока время еще есть, разобраться, что же это за ловкие предприниматели, так задурившие моему недалекому кузену (и определенно не ему одному!) голову.

– Ларример, принесите мне пальто и шляпу! – велел я, вставая из-за стола, и тяжело вздохнул.

Как ни прискорбно, сегодня придется вместо общества моих крошек довольствоваться совсем другим обществом, а это уж точно неравноценная замена!

– Слушаюсь, сэр! – Дворецкий неодобрительно на меня покосился (по его мнению, отправляться на прогулку в такую погоду – это верный путь обзавестись ревматизмом), однако принес не только затребованное, но и зонт, и даже теплый шарф.

– Это лишнее. – Я отмахнулся от Ларримера, который норовил самолично повязать мне шарф, и продел руки в рукава пальто. – Я возьму машину.

Неодобрение Ларримера казалось густым и склизким, как овсянка.

– Сэр, прошу извинить, но вам не подходит...

– Опять старая песня! – нахмурился я, надевая шляпу. – Ларример, сколько можно? Я вполне могу сам сесть за руль.

Дворецкий осуждающе молчал. По его компетентному мнению, мне следовало держать целый штат постоянной прислуги, а не обходиться приходящими кухаркой и горничной. Ну и

его персоной, разумеется.

– Я вернусь к обеду, – сообщил я Ларримеру, взглянув на часы.

– Конечно, сэр. – Он слегка поклонился и распахнул передо мной дверь.

Наверняка после моего ухода отправится на кухню, успокаивать нервы чем-нибудь сладким, жалуясь своей любимице на хозяина, попирающего вековые устои. Впрочем, у Ларримера не так много слабостей, и эта еще вполне безобидна...

Погода заставила меня пожалеть о той поспешности, с которой я взялся за решение дела тетушки Мейбл.

Хлестал дождь, порывы ветра опасно раскачивали деревья, а прохожие спешно прятались кто в домах, кто в подворотнях. Лобовое стекло машины заливала вода, да так, что «дворники» не поспевали ее смахивать.

Затормозив у полицейского управления, я вышел под дождь. Зря я все же отказался от зонтика! Пожалуй, нужно по возвращении выпить бренди, иначе я действительно подхватчу простуду.

– Чем могу служить, сэр? – спросил молоденький констебль, сидящий в будке у входа, как пес на цепи.

Хотя в настоящий момент на пса (притом промокшего до костей!) наверняка больше походил я.

– Я хотел бы видеть инспектора Таусенда, – сообщил я, стягивая перчатки. Стоило наклонить голову, как с полей шляпы на пол обрушился настоящий водопад.

– Сожалею, сэр, он сейчас у суперинтенданта. – Констебль честно тарачил голубые глаза. – Вы подождете?

– Да, пожалуй.

Лучше иметь дело с Таусендом – он самый разумный из этой братии.

– Как о вас доложить, сэр? – Констебль потянулся к старинному телефонному аппарату – настоящему монстру из бронзы и мрамора.

И вправду новичок.

– Виктор Кин, эсквайр, – отрекомендовался я сухо.

Пред светлыми очами инспектора Таусенда я предстал спустя примерно час. Хотя сегодня его глаза были скорее красными, нежели светлыми, видимо, от недосыпа.

– Инспектор, я очень рад снова вас видеть, – начал я.

Однако Таусенд был не расположен к долгим беседам и вежливым расшаркиваниям.

– Что вам угодно, мистер Кин? – неприветливо поинтересовался он, выпячивая живот.

Неудивительно – с полицией отношения у меня... неоднозначные.

– Видите ли, мой кузен, – я откинулся на спинку стула (зверски неудобного, надо сказать), – ввязался в историю с неким акционерным обществом...

Инспектор меня тут же перебил:

– Можете не продолжать! Знаю я это общество. ФФФ, да?

– Верно, – кивнул я. – Следовательно, мой кузен – не первый пострадавший?

– Какое там! – устало отмахнулся инспектор. – Толпами нас осаждают! А что мы можем сделать?

– Стало быть, вы не намерены предпринимать по этому поводу расследование? – Так, снова не вовремя дала о себе знать вроде бы прочно позабытая специальность...

– Какое еще расследование? – удивился инспектор. – Сами денежки отнесли – сами виноваты. Они поверили в языческое заклятие: достаточно, мол, повторить трижды «феху», и

прибыли посыплются как из рога изобилия! Какая чушь!

И он усмехнулся с едва прикрытым злорадством.

– Понятно, – заключил я, вставая. Наша полиция нас бережет! И закончил сухо: – Благодарю за внимание, инспектор!

– Мистер Кин! – уже в дверях окликнул меня он.

– Да, инспектор?

– Не ввязывались бы вы в это дело! – скороговоркой выпалил он, оглядываясь, словно опасался, что кто-то подслушает. – Не ровен час... Ну вы понимаете!

Даже его ухоженные бачки уныло обвисли. Кажется, неведомые мошенники имеют немалый вес в обществе!

– Боюсь, не вполне, инспектор. – Я покосился на него здоровым глазом, склонив голову к другому плечу. Почему-то эта моя привычка частенько выводит людей из себя, и инспектор исключением не был.

– Ну как же... – Теперь его бачки встопорщились, как у сердитого кота, а еще он пристально вглядывался мне в лицо, будто увидел что-то необычное. Странно, вроде бы не впервые видимся... и все больше по поводу злополучного Сирила, которого уже не раз приходилось выручать. – Мистер Кин, вы должны были бы понимать, что подобные предприятия... гхм...

– Ах да, конечно, подобные дела лежат совершенно не в сфере интересов полиции, – скорбно кивнул я, не удержался и добавил: – Особенно если дело касается моего кузена, не так ли?

Инспектор надулся:

– Я, кажется, не давал повода...

– Ну что вы, – поспешил я успокоить его. – Поверите ли, я сам с преогромным удовольствием отправил бы Сирила на необитаемый остров. Правда, опасаясь, он и там нашел бы способ отравлять мне жизнь. Например, стал бы слать письма в бутылках... К тому же тетушка не пережила бы разлуки, и тогда...

– Да, да, да, – кивал Таусенд, явно не чаявший избавиться от меня. В прежние годы мне не раз удавалось заговорить его до такой степени, что он соглашался отпустить набедокурившего Сирила под мое честное слово, но сейчас случай был другой.

– Честь имею откланяться, – обрадовал я, и инспектор вздохнул с облегчением. Правда, тут же встрепенулся:

– Мистер Кин!

– Да-да? Вы переменили свое решение, господин инспектор?

– Ни в коем случае... – Он прищурился. – А вы, мистер Кин, часом, не на своем ли автомобиле приехали?

– Что вы! – искренне воскликнул я. – В такую-то непогоду! Разумеется, я взял такси!

Дело в том, что инспектор полагал (и небезосновательно), что людям, которые ничегошеньки не видят с одной стороны, водить автомобиль категорически противопоказано. Я же, грешен, люблю сам сидеть за рулем и давно уже приспособился к управлению, но Таусенд до сих пор не может простить мне того случая, когда я, не успев затормозить на перекрестке, протаранил его новехонькую машину. Разумеется, я оплатил ремонт и штраф, но продолжал злостно нарушать запрет инспектора и по-прежнему водил сам. В конце концов он сдался: теперь этот запрет распространялся только на туманные, дождливые и снежные дни (каковые в наших краях преобладают), когда и полностью зрячий

ничего не разберет за лобовым стеклом.

Оставалось надеяться, что в потоках дождя бдительный страж порядка не разглядит, такси меня поджидает или же собственный автомобиль! А констебль, опять же искренне надеюсь, не в курсе нашего с инспектором давнишнего конфликта и не выдаст меня...

Домой я ехал чинно и медленно, со скоростью если не черепахи, так уж среднего пешехода точно. Жаль, не выдалось возможности сравнить – на улицах было пустынно, что и неудивительно в такую погоду.

Впечатления от беседы с инспектором у меня остались крайне неоднозначные. Как понимать эти его оговорки? Действительно ли в деле замешаны влиятельные персоны или же просто кое-кто получает отступного за то, чтобы не вмешиваться в происходящее? Я верю, что Таусенд кристально честный человек (он даже не завысил стоимость ремонта своего автомобиля, хотя имел такую возможность), но ведь есть люди и повыше рангом...

Итак, кроме моего любезного кузена в ловушку мошенников угодило еще немало простаков либо же жадных до дармовой наживы людей (кстати, хотя Сирил относится именно к последним, ума у него не так уж много). И по большому счету инспектор не солгал: если люди отдавали деньги добровольно (а я уверен, документы у мошенников в порядке), то вряд ли тут можно что-то предпринять. Но как прикажете выручать тетушкино поместье?..

«Прежде всего, – решил я, входя в дом, – необходимо обсохнуть и согреться!»

– Ларример!

– Сэр! – появился он в холле, и лицо его выразило сдержанное неодобрение моим видом. И впрямь у меня снова текло со шляпы! Но Ларример был слугой хорошей выучки, а потому не позволил себе заметить: «А я ведь предлагал вам взять зонт, сэр!» Это и так прекрасно читалось в его взгляде.

– Я в оранжерею, – сказал я, сбрасывая ему на руки мокрое пальто. – Будьте любезны, принесите мне туда бренди.

– Сию минуту, сэр.

Я рассеянно прошел через весь дом и поднялся в оранжерею. Здесь было восхитительно тепло, и в тщательно отрегулированном свете электрических ламп (которые старомодный Ларример категорически не желал признавать, как и прочие веяния прогресса) можно было представить, будто греешься на пляже.

– Ах ты моя прелесть... – проговорил я, склоняясь к одной из своих малюток. – Тилли, красавица, ты решила меня порадовать? Как это мило с твоей стороны! Я так и знал, что тебе не хватает освещения... А вы, сударь, – обратился я к другому питомцу, – ведете себя скверно! Уже год я только и вожусь с вами, Альберт, но вы сидите сиднем! Берите пример с Тилли и Оливии – вот славные девочки...

– Ваш бренди, сэр, – проговорил за спиной дворецкий.

– Благодарю, – ответил я, беря бокал. – Взгляните, Ларример, разве не прекрасное зрелище?

Свободной рукой я указывал на редкий экземпляр *Obregonia denegrii*, побаловавшей меня нежными беловатыми цветочками, особенно трогательными на фоне обильного пуха ареол.

– Да, сэр, – согласился он. – Простите, сэр, а нельзя ли немного передвинуть вот этого господина?

– Кристофера? – повернулся я к еще одному из украшений моей коллекции,

прекрасному экземпляру *Grusonia grahamii*. – Почему бы вдруг?

– Видите ли, сэр, – сказал Ларример с достоинством, – этот господин немного слишком колюч. И когда намерены вы поручили мне включить освещение... А это вдобавок были мои лучшие брюки, сэр. Прошу прощения, сэр.

– Разумеется, мы его подвинем, – сказал я, сдерживая усмешку. Удивительно, почему меня мои кактусы никогда не колют? Может быть, дело в отношении? Ларример считает, что подобное занятие джентльмену не пристало, но увы... я предпочитаю общество моих колючих друзей любому другому. И, между прочим, сам дворецкий подолгу беседует со своей золотой рыбкой Атенаис!

– Позволено ли мне будет также заметить, сэр... – Дворецкий деликатно выждал и, не получив возражений, продолжил с укоризной: – Вы забыли поменять глаз, сэр!

И протянул мне маленькое карманное зеркальце. Из зеркальной поверхности на меня уставились разноцветные глаза: карий и бледно-голубой. Зрелище и вправду было презабавное. Особенно хорош бы я был в роли какого-нибудь злодея: прекрасные приметы! То-то инспектор так на меня вытаращился!

Пришлось под неусыпным надзором Ларримера (интересно, почему он не сообщил мне о моем упущении до того, как я вышел из дому?) менять глаз на более приемлемый по цвету.

– Ларример, я буду обедать через час, – сказал я, закончив приводить себя в порядок.

– Как прикажете, сэр! – с каменным выражением лица согласился дворецкий, хотя любые нарушения режима он категорически не одобрял.

Когда Ларример отбыл на кухню, я принялся прохаживаться по оранжерее, размышляя о том, что дальше предпринять. Обратиться к кому-нибудь из старых друзей с просьбой о содействии? Но какую именно помощь они могут мне оказать?

Инспектор Таусенд прозрачно намекнул, что речь идет не об обыкновенных мошенниках, которых может задержать любой полицейский. Нет, дело тут куда запутаннее и тоньше...

Впрочем, что это я? Пожалуй, самое время получить подсказку.

Я напоследок окинул взглядом свои владения (как высокопарно именовал оранжерею милейший Ларример), сорвал с малышки Цинции ее первый плод и, рассеянно кусая его, пошел в кабинет.

Тут все осталось как при отце: тяжелые гардины, даже в солнечный день создающие приятный полумрак, полки темного дерева, кипы бумаг, разобрать которые у меня который уже год не доходили руки, немаркий (но чрезвычайно дорогой) ковер... Только на столе поубавилось корреспонденции, да в углу скромно устроился старинный шахматный столик. К нему я и направился, на ходу дожевывая подарок Цинции.

Я воровато пристроил хвостик плода на подлокотник дивана (не забыть бы потом убрать, не то последует получасовая лекция Ларримера о том, что пищу должно принимать исключительно в столовой, и никак иначе!) и извлек из тайника заветную квадратную бутылку. Отец держал там марочный коньяк, а у меня несколько иные вкусы.

Некоторые ценители уверяют, что закусывать данный напиток следует исключительно сушеными сороконожками. И, надо признать, аборигены поступают именно так. Однако я не настолько чужд цивилизованности, чтобы питаться жуками, гусеницами или червяками, по крайней мере, без острой на то нужды. Хотя, конечно, и не такое бывало...

Я сделал три символических глоточка прямо из горлышка и усмехнулся. Воображаю, что бы сказал Ларример, доведись ему это увидеть! Наверно, немедленно потребовал бы расчета!

Нажав на потайную кнопку в шахматном столике, я выстучал на его поверхности секретный код и извлек из открывшегося ящичка свое сокровище. Ювелиры вряд ли дорого оценили бы содержимое этого мешочка, однако мне оно обошлось весьма недешево, так что для меня он куда ценнее бриллиантов.

Я потерял искусственный глаз и занялся привычным делом...

Спустя полчаса я, ликвидировав следы преступления и спрятав все улики, принялся размышлять.

Результаты оказались... неоднозначны.

Итак, что мы имеем на настоящий момент?

Одно из двух: либо все мои попытки приструнить ФФФ заранее обречены на поражение, либо я пытаюсь достичь вовсе не того, чего следовало бы.

В первый вариант я не слишком верю. Хотя инспектор и намекал на неких лиц, защищающих мошенников, однако на любых преступников можно найти управу.

А вот второй вариант представлялся куда любопытнее. Могло ли случиться так, что со слов тетушки Мейбл и инспектора Таусенда ситуация представилась мне совсем не такой, какой была в действительности? Собственно, а почему нет? Тетушка мнит своего драгоценного сыночка ангелом во плоти, вечно становящимся жертвой чужих козней. Инспектор же не склонен идеализировать Сирила, однако о его зловещих намерениях именно в этом случае знал только с моих слов.

Итак, в чем же я мог ошибаться? И какие цели в данном случае могут быть ложными? Вроде бы ситуация вполне однозначна: требовалось спасти тетушку Мейбл и кузена Сирила от разорения.

Пожалуй, тут может быть лишь один вариант...

Когда на пороге кабинета выросла внушительная фигура Ларримера (он несколько раз кашлянул, привлекая мое внимание), я как раз заканчивал выстраивать стройную башню теорем. Осталось только раздобыть доказательства!

– Что случилось, Ларример? – недовольно спросил я, поднимая голову.

– Обед подан, сэр, – на всякий случай еще раз кашлянув, провозгласил он. И добавил с отеческой укоризной: – Я дважды звонил к обеду, сэр, но вы, видимо, так глубоко задумались, что не услышали.

– Да, спасибо, Ларример! – рассеянно поблагодарил я.

Кое-что начинало проясняться. Пожалуй, завтра придется нанести визит тетушке Мейбл. Я досадливо покосился на окно, за которым бушевала гроза. Попросить Ларримера взять мне билет на поезд, вызвать такси или понадеяться на непостоянство нашей погоды?

– Обед, сэр! – напомнил дворецкий.

Пришлось вставать и отправляться в столовую, а то с Ларримера, пожалуй, станет отшлепать меня за непослушание...

Вечер я провел в приятнейшем обществе своих крошек, теплого пледа и горячего чая с сэндвичами. Нет на свете более нежных и мягких созданий, чем мои малютки, и именно поэтому они вынуждены обзаводиться колючками.

Я полюбовался на милую парочку *Lobivia cinnabarina*, которые сладострастно подставили лампе свои обнаженные верхушки, лишённые шипов, и открыл книгу...

К поездке за город я готовился как к походу на войну: тетушка Мейбл из тех дам, которые способны подмечать любые мелочи (но только не за любимым сыном). Она дала бы фору инспектору Таусенду, я уверен! Именно поэтому перед выходом я особенно тщательно

побрился, оделся как можно более элегантно (по-моему, для таких визитов вполне достаточно твидового пиджака, но тетушка не разделяла моих чересчур вольных взглядов) и попросил Ларримера проверить, все ли в порядке.

— Глаза у вас сегодня одинаковые, сэр, — сказал он невозмутимо, завершив тщательный осмотр, смахнул щеткой невидимую пылинку с моего плеча и предупредительно распахнул двери. — Ваш зонт, сэр!

На этот раз я не стал спорить: хоть сегодня и распогодилось, но климат наш настолько непредсказуем... А мне отнюдь не хотелось явиться под тетушкин кров, напоминая водяную крысу!

Навстречу мне попался инспектор Таусенд, и я приветственно помахал ему рукой. Он поспешил припарковаться у обочины: кажется, ожидал от меня какого-то коварства. К счастью, по причине ясной погоды я мог совершенно спокойно ехать куда заблагорассудится, чему был очень рад.

Для начала я нанес небольшой визит: поздно вечером мне пришла в голову забавная мысль, и я решил проверить ее. В конце концов, от меня не убудет!

Милейший мистер Смилоу, верный поверенный нашей семьи, принял меня с распростертыми объятиями и посетовал, мол, не видал меня так давно, что начал уже и забывать, как я выгляжу. Пришлось посидеть немного в его кабинете, разговаривая о том о сем, чтобы аккуратно подобраться собственно к теме беседы.

— Но вы ведь прекрасно понимаете, что это против всяких правил! — вскричал старичок, прижимая сухонькие руки к груди.

— Конечно, понимаю, — повинулся я. — Но, дорогой мистер Смилоу, моя милая тетушка угодила в столь неловкое положение, и мне так не хотелось бы доводить до огласки... Быть может, небольшое нарушение, о котором будем знать только вы да я...

— И мой друг!

— И ваш прекрасный друг, помню его, он замечательный человек! Думаю, ему приятно будет получить небольшой подарок, скажем, к Рождеству? Я уж не говорю о вас, мистер Смилоу, вы столько лет с нашей семьей, и всегда ваша работа была безупречна! Так неужели же единственный раз, когда...

— Ах, мистер Кин, молчите, молчите, — замахал он на меня руками. Кажется, старичок растрогался: на него моя манера смотреть по-птичьи, боком, действовала парадоксальным образом — он не раздражался, а умилялся. — Ну о чем вы говорите! Конечно, придется немного подождать...

— Я весь терпение! — заверил я и приготовился ждать.

Сперва мистер Смилоу долго дозванивался своему приятелю в банк и что-то журчал в трубку, как можно более обтекаемо описывая ситуацию. Потом еще пришлось подождать, когда тот узнает все, что мне было нужно, и перезвонит.

— Это все? — кротко спросил поверенный, глядя на меня.

— Да, — искренне ответил я. — Не могу выразить всей меры моей признательности, мистер Смилоу! Вы сняли огромный камень с моей души и спасли репутацию моей семьи!

— Ах, что вы, что вы... — всплеснул он руками и, кажется, прослезился.

Церемонно распрощавшись с ним, я наконец отправился к тетушке Мейбл. Настроение у меня было превосходное: мысль моя вполне подтвердилась!

За городом оказалось просто замечательно, скорее всего потому, что вокруг я не видел ни одной живой души. Быть может, стоит почаще выбираться на природу? Взять с собой

сэндвичи, найти уголок поглуше и спокойно посидеть, глядя, как течет река и резвятся стрекозы... Стоило мне подумать об этом, как меня с ревом обогнал мотоциклист. Хорошо еще не по луже, не то славно отмытая вчерашним ливнем машина превратилась бы бог знает во что! Вот тебе и покой...

Дорога оставляла желать лучшего, но я к ней давно приноровился. Вот наконец и поворот к тетушкиному поместью. Впрочем, поместье – это громко сказано. Просто довольно большой особняк, окруженный в самую меру запущенным садом, чуть на отшибе от прочих. Прежде здесь жил мой дед, но уже отец перебрался в город, оставив дом сестре с семейством: у него не было ни малейшего желания вникать в хозяйственные мелочи или, скажем, отчитывать нерадивого садовника! Тетушка же занималась этим самозабвенно, благо содержание ей полагалось недурное, да и от покойного супруга кое-что осталось. Тот, кстати, был страстным лошадиником. Быть может, Сирил удался в отца? Лошадей здесь теперь не держали, но азарт-то в крови остался!

Въехав во двор, я придирчиво огляделся. Хм... Кажется, оставшиеся от мужа деньги и рента, которую я, согласно отцовскому завещанию, регулярно выплачивал тетушке Мейбл, впрок не шли. Дом давно следовало выкрасить заново, сад был запущен намного больше, чем то допускали приличия, розовые клумбы навевали уныние.

У бывшей конюшни, переделанной в гараж, стоял не новенький блестящий «джинзи», который я запомнил по прежнему визиту, а видавший виды «плодд» с заметно проржавевшим задним крылом и лысыми покрывками. Судя по сопению и сдержанным ругательствам (не дай бог, услышит тетушка Мейбл!), с колымагой возился сам Сирил, видимо, пытался поменять колесо.

Верно, вот он высунулся из-за «плодда», заслышав ровное урчание мотора, и попытался изобразить приветственную улыбку. Я видел: его раздражают противоречивые чувства. С одной стороны, я не раз выручал его из неприятностей, с другой – при всяком удобном случае (когда рядом не было тетушки Мейбл, а ее я что-то не заметил) устраивал головомойку. Правда, безрезультатно: то ли из меня скверный проповедник, то ли Сирил пропускал мои слова мимо ушей.

– О, Виктор! – воскликнул он, ненатурально улыбаясь, и пошел мне навстречу. – Как я рад тебя видеть!

– Взаимно, – сказал я, хотя никакой радости не испытывал.

– Извини, не могу пожать тебе руку, – сказал он и показал перепачканные ладони, – видишь?

– Вижу, – согласился я. – Что это у тебя за антиквариат?

– А, достался по случаю! – Сирил улыбнулся еще шире. – Знаешь, как увлекательно приводить машину в порядок своими руками?

– Боюсь, я был лишен такого удовольствия. – Я умолчал о том, что как-то раз мне довелось срочно ремонтировать грузовик (это при том, что механик из меня никудышный), и все прелести данного занятия я прочувствовал сполна. Как ни странно, на этом грузовике даже удалось доехать до места назначения... Впрочем, это к делу не относится. – А где тетушка?

– Мама прилегла после обеда, – быстро сказал кузен. – У нее разболелась голова, и она решила вздремнуть.

Очень удачно! Кстати, я именно поэтому всегда стараюсь подгадывать свои визиты таким образом, чтобы не попасть на семейную трапезу. К сожалению, за столом тетушка

Мейбл становится особенно невыносима.

– Сирил, – сказал я, – будь так любезен, поди вымой руки. Я хотел бы прогуляться и побеседовать с тобой кое о чем. И лучше в саду, чтобы не потревожить тетушку.

Кузен заметно спал с лица, но распоряжение мое выполнил, вернувшись через несколько минут уже чисто отмытым и переодевшимся.

– Рассказывай, Сирил, – сказал я, пресекая попытки кузена пойти со стороны моего незрячего глаза и крепко беря его за плечо.

– О чем?

– Обо всем. Что за акции, как ты умудрился вляпаться в эту историю, сколько задолжал? И кстати, как там поживает закладная на поместье?

Сирил совсем сник и посмотрел на меня жалобно. Его взгляд мог бы растрогать даже налогового инспектора, но я превосходно знал кузена и не дрогнул.

Даже удивительно, насколько мы похожи внешне – оба высокие, сухощавые, голубоглазые, разве что Сирил немного уже в плечах и черты лица у него помельче, – и насколько непохожи в жизни. Он – душа любой компании, порой мне кажется, что без общения кузен вовсе зачахнет. Я стараюсь как можно реже показываться на люди, шумных компаний мне когда-то хватило с лихвой. Он встречается то с одной, то с другой юной леди, причем умудряется расставаться с ними лучшими друзьями, но жениться не намерен (да и поди проделай этот трюк при живой и здравствующей тетушке Мейбл и отсутствии средств!). На меня обращают внимание женщины, но я предпочитаю коротать время в своей оранжерее либо отдавать должное одному респектабельному заведению, в котором не спрашивают имен гостей и не узнают завсегдатаев в лицо. Я – человек вполне обеспеченный, но никогда не трачу сверх необходимого. Он – самозабвенный транжира, способный промотать любое состояние (что он уже и сделал с отцовским наследством). Видимо, именно поэтому мой отец и оставил племяннику только кое-какие надежные вклады с умеренными процентами и без возможности воспользоваться основным капиталом – уж он-то Сирила видел насквозь! Любопытно перемешивается кровь...

– Я все еще жду, – напомнил я, крепче сжав плечо кузена. Вот еще одно отличие – он никогда не был поклонником физических упражнений. Я, в сущности, тоже, но у меня не было другого выбора. Так или иначе, при желании я мог без особого труда совладать с Сирилом.

– Это вполне приличное предприятие, – заговорил он. – Право, за первые месяцы мои вложения полностью окупились, и это было куда больше, чем я получаю с вкладов, оставленных мне дядей!

– И все эти средства ты немедленно вложил в дело?

– Ну разумеется! Разве ты сам так не поступаешь? – покосился на меня кузен.

Я не стал говорить о том, что предпочитаю хорошо известные солидные фирмы, а не сомнительного толка общества.

– И чем же занимается это замечательное предприятие? – спросил я.

– В основном поставками племенного скота, – ответил Сирил, а я чуть не споткнулся от неожиданности.

Хм, а ведь «феху» означает не только богатство и прибыль, но и – буквально – скот! Впрочем, в перевернутом виде это символизирует неудачи и потери. Думается мне, что для Сирила и остальных простодушных вкладчиков «феху» выпало именно перевернутым...

– Очень интересно! – произнес я. – Перспективное направление, насколько мне

доводилось слышать. И какой же именно скот и куда они поставляют?

– По большей части они ввозят тонкорунных овец в Австралию, – выдал кузен, и я чуть было не споткнулся вторично. Он же продолжал: – Правда, в последнее время случились кое-какие затруднения, и выплата дивидендов приостановлена. Владельцы фирмы очень извинялись и даже просили акционеров о помощи: три их лучших скотовоза затонули у мыса Доброй Надежды... Ну и...

– И ты помог, – кивнул я, искренне стараясь не засмеяться.

– Ну конечно, затем ведь все будет по-прежнему, а мне пообещали премию – я все-таки нашел еще троих акционеров!

– И все для того, чтобы помочь любимой конторе... как бишь ее? Рога и копыта?

– ФФФ, – обиженно сказал Сирил.

– И сколько же ты потратил в общей сложности? О закладной и тетушкиных драгоценностях можешь умолчать, эти суммы она мне сообщила в письме.

Кузен помялся, посопел и назвал-таки цифру.

– Изрядно, – кивнул я. – Очень даже изрядно. А получил?

На этот раз ответ прозвучал уже менее уверенно.

– То есть ты, бедняжка, нынче в страшных убытках, – покачал я головой. – Даже машину пришлось продать, верно? Иначе зачем тебе та колымага?

– Ага, – понуро сказал Сирил. – Жаль было, но что делать?..

– А ничего, мой дорогой кузен, – ответил я жестко. – Идти и выкупать тетушкину мебель.

– Но на что?! – вытаращился он на меня.

– Сирил, мне очень жаль тебя огорчать, – сказал я, – но ты далеко не так умен, как кажется тетушке. Правда, хочу отдать должное, на этот раз ты меня едва не провел...

– Виктор, я не понимаю, о чем ты...

– Ты прекрасно все понимаешь, Сирил. Средства у тебя еще остались, но ты, раз уж мы прибегаем к аналогиям из животного мира, решил сделать из меня дойную корову. Ты ведь прекрасно знал, что я не смогу оставить тетушку без крова и уж давно не намерен существовать с вами под одной крышей. Следовательно, я либо выкупил бы поместье, либо обеспечил вас иным достойным жилищем. Тетушка, бедняжка, так доверчива... Уверен, стоило тебе посмотреть на нее жалобным взглядом, и она кинулась распродавать все вплоть до столового серебра! И еще, – добил я, – уверен, твой новенький «джинзи» стоит сейчас в гараже у какого-нибудь твоего приятеля. Может, даже перекрашенный.

Сирил сглотнул.

– Я ничего не скажу тетушке, – произнес я и повернул к дому. – Она вряд ли мне поверит, увы. Но если ты в ближайшую же неделю не выкупишь дом, я буду вынужден сообщить ей о твоём мошенничестве.

– Но откуда ты... – заикнулся он, чем выдал себя с головой.

– У меня свои методы, – ответил я. Очень полезно иметь кое-какие связи. Или поверенного с хорошими связями: его знакомый банкир в обход правил сообщил, что на счетах моего кузена заметно прибыло средств, а вовсе не убыло, как обычно! – И еще, Сирил... Овец в Австралию завезли больше двухсот лет назад. Да и морские маршруты с тех пор сильно изменились... Передавай привет тетушке, а мне пора!

С этими словами я и убыл. Сирил трус, и я был уверен – закладную он выкупит. Но каков нахал!

Назавтра я наслаждался прекрасным чаем и просматривал утренние газеты. Внимание мое привлекла небольшая заметка далеко не на первой полосе. В ней коротко сообщалось о внезапном банкротстве некоего акционерного общества, владельцы которого, разумеется, мгновенно исчезли с выручкой, оставив десятки людей бессильно негодовать.

Я рассмеялся и сложил газету. Как, должно быть, Сирил радуется сейчас, что не успел спустить последние деньги на акции ФФФ!

Глава 2

УРУЗ^[3]

Немного о бычьей силе, художниках и могуществе рекламы

*Зубр огромен и дик,
На рога поднимает врагов.
Великий воин равнин —
Свиреп он и храбр.*

Англо-саксонская хроника

Утро выдалось удивительно солнечным, что в наших краях является несомненным подарком судьбы. Я был особенно рад: сегодня мои крошки смогут обойтись естественным освещением, и это замечательно, поскольку никакие, даже самые современные электрические лампы не могут заменить настоящего солнечного света. Конечно, солнце здесь не столь горячо, как на родине моих малюток, но достаточно яркое. А уж согреть воздух вовсе не сложно! Кроме того, кое-какие мои питомцы и вовсе не нуждаются в тропической жаре. Она им может попросту навредить! Помню, я вдоволь намучился, разделяя оранжерею на несколько отсеков: в каждом требовалось поддерживать нужную температуру. И если зимой с этим серьезных проблем не возникало, то вот остудить кое-какие из них летом было куда сложнее. Приходилось уносить бедняжек внутрь дома, где толстые каменные стены не пропускали губительной для них жары. К счастью, далеко не всякое лето баловало нас подобной погодой, а с временными неудобствами легко было смириться...

Расположившись в любимом кресле, я лениво просматривал утренние газеты. В стране и в мире не происходило решительно ничего интересного, и это меня вполне устраивало. Хватит с меня разных... интересностей! Городские сплетни меня мало занимали, новости тоже, вот разве что биржевые сводки следовало просмотреть повнимательнее, каковому занятию я и отдался со всем тщанием и так увлекся, что не сразу услышал осторожное покашливание.

— Что такое, Ларример? — удивился я.

Дворецкий очень редко позволял себе нарушать мое уединение, и только по веским поводам, однако сейчас он всего лишь принес еще одну газету, причем держал ее кончиками пальцев, на отлете, как дохлую мышь. На лице Ларримера было написано крайнее неодобрение.

— Сэр, — сказал он, — если мне будет позволено заметить...

По опыту я знал, что, даже если ему не будет позволено, Ларример все равно найдет способ донести до хозяина свое мнение. Проще было выслушать его сразу.

— Да-да?

— Сэр, по моему глубочайшему убеждению, такому почтенному джентльмену, как вы,

следовало бы отказаться от подписки на этот... листок. – Он брезгливо покосился на газету.

– Ларример, вы не могли бы объяснить поподробнее, чем вас так расстроило несчастное «Зеркало»? – Мне стало любопытно.

– Видите ли, сэр, – сказал дворецкий, – мне потребовалась газета, и я позволил себе взять один из старых номеров, чтобы...

– Ларример, мне совершенно неинтересно, зачем вам нужна была газета! – поморщился я. – Тем более если это... да, номер недельной давности. Ближе к делу, прошу вас!

– Так вот, сэр, – невозмутимо продолжал он, – развернув ее, я случайно ознакомился с содержанием рекламных объявлений. Должен вам сказать, сэр, что во времена старого хозяина подобное было бы решительно невозможно! А поскольку вы – достойный наследник семьи, то...

– Да-да, я должен вести себя подобающе, – кивнул я, листая сегодняшний номер «Зеркала» в поисках страницы с объявлениями. – Хм... Продается дом... Некое семейство ищет гувернантку для мальчика пяти лет, непременно миловидную француженку не старше двадцати пяти... уж не папаша ли давал объявление?

– Сэр!

– Я шучу, Ларример! Так, предлагается выездная коляска и пара прекрасных лошадей... да на их содержании разориться можно! Опытная домработница ищет место, рекомендации в наличии... Автомобили компании «Трагар» – лучшие в мире... как же, знаю я их колымаги. Полчаса едут, три – чинятся... Патентованное средство для роста волос для мужчин и женщин... угу, от такого, пожалуй, и облысеть недолго! Ларример, я никак не возьму в толк, что вас так возмутило?

– Взгляните на обороте, сэр, – нахмурился он. – Это еще не всё!

Я перевернул страницу.

– А-а...

Ну, теперь мне было доподлинно ясно, что так взволновало старого дворецкого. Прямо посередине газетного листа красовалось большое объявление (а рекламное место нынче недешево!). Стилизованный рисунок изображал дамский корсет во всех подробностях, вокруг роились ангелочки с садовыми лейками в руках и зачем-то оный корсет старательно поливали. Ах вон оно что! «Нержавеющие корсеты «Риофрю» – лучший выбор для современной дамы!» Надо же, чего только не придумают... Они что, полагают, дама отправится купаться прямо в этом сооружении? Хотя она ведь может попасть под дождь... Или они имели в виду материал? Ну, тогда это уже «железная дева» какая-то! Может, он еще и пуленепробиваемый? Хотя зрелище, наверно...

Отогнав излишне фривольные мысли, я обратился к Ларримеру:

– По-моему, очень забавная картинка. Не вижу в ней ничего предосудительного. Смотрите, на ангелочках даже фиговые листики есть...

– Сэр, вы снова изволите шутить! – с горечью сказал дворецкий. – В прежние времена никто и помыслить бы не посмел выставить... выставить... *это* на всеобщее обозрение!

– Бросьте, Ларример, – засмеялся я. – Все течет, все меняется... Смотрите, вон еще реклама парижских шелковых чулок, которые не рвутся ни при каких обстоятельствах!

– Сэр!

– И замечательных кальсон со штрипками, для настоящих джентльменов, – добил я. – Ну право, вас же никто не заставляет разглядывать все эти картинки?

– Нет, сэр, но вы, как достойный...

– Будьте спокойны, Ларример, я вообще не заглядываю на страницы с объявлениями, – сказал я. – Что я там потерял?

Кажется, мои слова немного его успокоили, но только немного.

– Но, может быть, все-таки вы откажетесь от подписки, сэр? – жалобно спросил он.

– Ну уж нет! В «Зеркале» печатают самые полные биржевые сводки, – отрезал я. – И еще дают объявления о конкурсах общества цветоводов и...

Тут я понял, что конспиратор из меня никудышный...

– Но это же на первой странице, – поспешил я добавить, – а там нет никаких... хм... безобразий. Успокойтесь, Ларример, все в порядке!

– Да, сэр, – произнес он голосом полным скорби и удалился, по-прежнему держа злосчастную газету за уголок.

Правда, минут через пять он вернулся.

– Сэр...

– Что такое, Ларример?

– Письмо, сэр. Ума не приложу, как я мог пропустить его... Должно быть, выронил: оно лежало у самой двери...

– А, бросьте казнить, – сказал я и взял плотный конверт коричневой бумаги. Ну да, все верно, Виктору Кину, эсквайру, лично в руки. Интересно, что там?

В конверте оказалась некая брошюра. Обычно я выбрасываю рекламные проспекты не читая, но на этот раз почему-то решил взглянуть. Наверно, на меня подействовала беседа с Ларримером. Итак...

Через полминуты я понял, что моя привычка избавляться от таких брошюрок немедленно очень верна. Кто только сочиняет подобную чушь?! «Всего лишь короткий курс лечения нашим препаратом, и ваша мужская мощь возрастет стократно!» Дальше было несколько скабрёзных абзацев, восхваляющих чудодейственное средство, делающее мужчину неотразимым, и кратенькое примечание: дескать, препарат еще и избавляет от любых нежелательных последствий, коим чреватые случайные связи... И да, рисунки там тоже наличествовали.

Фу ты, ну и пакость! Теперь понятно, почему «лично в руки»: не приведи боже, подобное попадется на глаза какой-нибудь даме... Но откуда у этих мошенников мой адрес? А впрочем, они, должно быть, рассылают свои брошюрки по списку из адресной книги...

Как нарочно, камин не горел: сегодня было слишком тепло. И как прикажете избавляться от этой гадости? Если Ларример ее увидит, боюсь, я попросту лишусь дворцового!

Пришлось спрятать конверт со всем содержимым между книгами. Главное, не забыть потом сжечь его!

Следующие несколько дней не были примечательны совершенно ничем, если не считать радостного события – на моей прекрасной *Neolloydia conoidea* наконец-то раскрылся восхитительный цветок! Признаться, я уже и не надеялся, что она когда-нибудь расцветет, и это стало для меня приятной неожиданностью.

Ну а в субботу меня ждало интереснейшее мероприятие: цветоводческая выставка в нашем ботаническом саду. Конечно, сам я участвовать не собирался: во-первых, я старался не афишировать свое увлечение (у меня и без того репутация немного эксцентричного джентльмена), во-вторых, пришлось бы вынести наружу моих нежных питомцев, а весна хоть и выдалась теплой, но только для местных уроженцев. Боюсь, даже недолгое пребывание на

открытом воздухе могло бы стать губительным для многих моих подопечных.

Итак, я мало рассчитывал увидеть новые экспонаты – кактусами в наших краях, по-моему, занимаются всего несколько человек (с ними я состою в переписке), и у них нет ничего такого, чего не оказалось бы в моей коллекции. (По правде сказать, я стараюсь поменьше упоминать об имеющихся у меня редкостях, чтобы не вызывать профессиональной зависти, а лишь поддерживаю беседы о тонкостях ухода за нашими колючими любимцами и делюсь небольшими секретами – все для-ради питомцев!) Но вдруг?.. Кроме того, я ничего не имею против других растений и всегда рад полюбоваться роскошной геранью или благоуханными гиацинтами.

Тщательно одевшись (и не забыв проверить, все ли у меня в порядке с глазами), я собрался отправляться.

– Ну и времена пошли, – ворчал Ларример, подавая мне легкое элегантное пальто. – Вот при старом хозяине в этакое место только господ пускали, да и то с разбором... А теперь – глядите-ка! Набежит толпа не пойми кого, чего доброго, какую-нибудь леди толкнут или вовсе своруют что-нибудь...

– Боже мой, Ларример! – вздохнул я. Мой дворецкий неисправим, но я к нему давно привык. – Не беспокойтесь, у входа дежурят констебли, вовсе уж скверно одетую публику они не пропустят. Я уж молчу о подозрительных личностях! Более того, вход платный, средства, кажется, пойдут на благотворительные цели... Не переживайте так.

– Как прикажете, сэр, – сказал он, открывая дверь, и его седые бакенбарды встопорщились от сдерживаемого негодования. – Сэр! Возьмите трость!

– Ларример, ну зачем она мне? – взмолился я, но он уже протягивал мне отцовскую трость с серебряным набалдашником в виде львиной головы.

– У вас с нею исключительно элегантный вид, сэр, – довольно сказал дворецкий.

«Ладно, я всегда могу забыть ее в машине», – подумал я и отбыл.

У входа в ботанический сад уже было многолюдно, мне пришлось оставить автомобиль неподалеку и немного прогуляться. И да, я все же захватил трость: во-первых, кто-нибудь может польститься на дорогую вещь, а это все-таки память об отце, а во-вторых, зачем мне выбитое стекло в машине? Судя по тому, как посматривали на меня дамы, вид у меня и впрямь был солидный и весьма привлекательный... Впрочем, они и так частенько на меня посматривают.

Уплатив за вход, я направился по аллее, раскланиваясь со знакомыми и время от времени перебрасываясь с кем-нибудь парой слов о погоде. Вступать в длительные беседы у меня не было никакого желания.

Я миновал первый павильон, где глаз ласкали буйные переливы пышных соцветий гераней, затем окунулся в кружащий голову аромат павильона весенних цветов: острый запах гиацинтов пастельных расцветок; почти незаметный среди остальных, горьковатый – нарциссов. Здесь же красовались великолепные тюльпаны (особенно гордо выглядел владелец нескольких черных махровых цветков), еще какие-то неведомые растения... Каюсь, я скверно разбираюсь в первоцветах, но этот запах спутать не мог ни с чем! Здесь собралась небольшая толпа, но природа наделила меня изрядным ростом, и я сумел заглянуть поверх голов. Ландыши! Вот это сюрприз! Впечатленный, я отправился дальше.

Вот павильон с розами – их оказалось немного, пока ведь не сезон, а мало кто содержит теплицы, но там нашлись премилые миниатюрные создания. Розы я люблю, они напоминают мне моих питомцев наличием шипов... Тут же разместились дивные в своей холодной

красоте гардений с их будто восковыми листьями, азалии...

Наконец я добрался до павильона с экзотическими растениями. Попадались мне уже виденные когда-то и вовсе не ведомые – это было любопытно. Но, конечно, ни одного кактуса, если не считать огромного молочая, выдаваемого за оный кактус. Увы! Выглядят они и впрямь похоже, но уж я-то не спутаю! Разумеется, я промолчал: большинству это безразлично, а чего ради портить настроение публике и владельцу?

На одной из площадок царило сущее столпотворение: дамы восторженно ахали, господа вздыхали. Снова меня выручил рост: я увидел под стеклянными колпаками замечательные орхидеи. Рядом стоял бдительный хозяин. Не представляю, каких трудов стоило ему доставить эти капризные растения в ботанический сад по нынешней-то погоде! Насколько я помню, далеко не все они хорошо переносят прохладу...

Тут я заметил знакомую фигуру и попытался было ретироваться, но было поздно. Ко мне приближалась миссис Таусенд, волоча на буксире несчастного супруга.

– Миссис Таусенд, – приподнял я шляпу. – Инспектор...

– Мистер Кин! Рада видеть вас! – воскликнула она, дама дородная, рослая и, судя по всему, сильная. – Я знала, что непременно увижу вас сегодня, вы ведь не пропускаете ни одной выставки!

– Равно как и вы, миссис Таусенд, – улыбнулся я. О да, супруга инспектора была без ума от гераней, и ее растения неизменно брали призовые места. – Позвольте поинтересоваться, как нынче ваши успехи?

– Две розетки, мистер Кин, – рассмеялась она. – Еще бы одну, и я побила бы собственный рекорд, но, увы, я не могла захватить малютку Розы – места в машине не хватило...

Я подавил смешок: миссис Таусенд тоже давала имена своим растениям. В этом мы с ней были совершенно одинаковы!

Инспектор испустил мучительный вздох. Он был абсолютно равнодушен к цветам, но вынужденно сопровождал супругу и, более того, грузил ее ненаглядные герани в автомобиль и выгружал их лично – прислуге это не доверялось.

– А как ваши дела, инспектор? – учтиво спросил я, но в этот момент миссис Таусенд тихонько взвизгнула.

– Что случилось, дорогая? – встревожился он.

– Джордж... – прошептала она, наклоняясь к самому его уху, но я расслышал. – Джордж, мне показалось, что меня кто-то... потрогал...

Инспектор резко развернулся, но позади все та же толпа восхищалась орхидеями.

– Тебе показалось, милая, – сказал он уверенно. – Просто кто-то был не слишком осторожен. Давай отойдем в сторону... – И продолжил без перехода: – А дела мои, мистер Кин, из рук вон плохи!

– Даже так? – поразился я. Обычно инспектор не жаловал меня откровениями. Да он вообще меня не жаловал!

– Увы, – мрачно ответил он. – Дорогая, а почему бы тебе не взглянуть на вон ту замечательную пальму поближе? Кажется, я вижу на ней цветок!

Понятливая миссис Таусенд (все-таки супруга полицейского!) немедленно отошла. Я насторожился: похоже, инспектор намерен был затронуть щекотливую тему, каковые не принято обсуждать при дамах.

– Что-то стряслось на службе? – спросил я.

– Да... – махнул он рукой. – Участились случаи нападения на женщин. Хуже того, мистер Кин, есть и убитые, причем перед смертью их... хм...

– Я понял, – поспешно сказал я. Да уж, если это не неприятности, то не знаю, что ими и назвать! – И никаких идей, кто бы мог это делать? Быть может, маньяк?

– Мистер Кин, ну вы-то уж не лезли бы! – нахмурился инспектор. – Без вас как-нибудь разберемся, все управление на ушах стоит... – Тут он сменил гнев на милость. – Не похоже на маньяка. *Modus operandi* разный в большинстве случаев. Может, он, конечно, маскируется, но от этого не легче – такую хитрую тварь поди поймай! Вон в Лондоне так и не изловили...

– Да, я читал об этом, – кивнул я. – Что ж, могу только пожелать вам успехов, инспектор, в вашем нелегком деле!

– И на том спасибо, – буркнул он. – Только попрошу не распространяться об этом! Паники еще не хватало!

– Инспектор, я ведь даже из дома редко выхожу, – развел я руками. – Какое там...

И тут раздался возмущенный крик. Инспектор снова резко развернулся, я от неожиданности налетел на него, и глазам нашим открылось престранное зрелище: некий прилично одетый джентльмен, отчего-то страшно покрасневшийся, самым непристойным образом обнимал расфранченного юношу и, стыдно вымолвить, оглаживал его в таких местах, какие и упоминать не принято! Симпатичный юноша в модной шляпе и шикарном вишневом пальто отбивался, как мог, но силы были неравны. Мужчина зарычал и усилил напор.

Публика отвлеклась от орхидей...

– Эй, прекратите безобразие! – грозно рявкнул инспектор, направляясь к хулигану. – Мистер, вы что, пьяны?!

Собственно, а что еще можно было предположить?

Инспектор схватил мужчину за плечо и попытался оторвать от перепуганного юноши. Не тут-то было! Думаю, воспоследовала бы свалка, но тут незнакомец вдруг отпустил жертву и развернулся к инспектору. Физиономия его сделалась багровой, он выпучил налившиеся кровью глаза, а из ноздрей, по-моему, шел пар, как у разъяренного быка...

И не успел никто опомниться, как этот странный тип набросился на Таусенда, но, по-моему, с несколько иными намерениями, чем на помятого юношу, отступавшего бочком под защиту толпы. Инспектору силы не занимать, но дебошир был силен... ну да, как бык, и ревел так же. Ничего другого мне в голову не пришло.

Завязалась безобразная потасовка, в которую никто не рисковал вмешаться, и вот уже незнакомец принялся душить инспектора! Кажется, кто-то побежал за констеблями, но пока еще они явятся!

Я увидел, как от пальмы в дальнем конце павильона спешит миссис Таусенд с ридикюлем наперевес, и в этот момент вдруг вспомнил, что сжимаю в руке отличную трость. Зайти к незнакомцу со спины было проще простого, он ничего не видел по сторонам. Я коротко размахнулся... и тяжелый набалдашник моей трости обрушился на голову мерзавца одновременно с ридикюлем миссис Таусенд. Честное слово, не знаю, кто из нас его уложил...

Поверженный драчун оказался на земле. Побагровевший инспектор, потирая горло, повернулся ко мне и хрипло выговорил:

– С-спасибо, Кин...

Ну и разумеется, миссис Таусенд не нашла лучшего момента, чтобы свалиться в

обморок!

Невдалеке заливались свистки опоздавших к веселью констеблей...

Происшествие это отравило мне все удовольствие от цветочной выставки и погожего субботнего дня.

Инспектор Таусенд, отправив дебошира в участок под конвоем констеблей, остался успокаивать супругу. Мне же пришлось поехать в полицейское управление, дабы изложить и подписать свои свидетельские показания.

Сам инспектор сделать этого не мог, и не только потому, что с точки зрения закона считался лицом пристрастным, а еще из-за того, что миссис Таусенд никак не могла пропустить церемонию награждения. Признаться, мне не понять такого тщеславия. Какая разница, оценил ли кто-то мои достижения? Главное, что они есть!

В полиции меня встретили с распростертыми объятиями: к моим услугам было кресло, больше напоминающее пыточное приспособление, чашка слабенького, еле теплого чая и приятнейшее общество инспектора Деверелла. Этот милейший господин руководствовался принципом «Если вы не подозреваемый – это не ваша заслуга, а наше упущение» и держался так, будто подозревал меня в преступном сговоре с драчуном, посмевающим напасть на инспектора Таусенда. Впрочем, до применения физических аргументов он не опускался, а риторикой меня не пронять. Я же упорно смотрел на Деверелла одним глазом, чем, кажется, довел его до белого каления.

– Смотрите мне в глаза, будьте любезны! – не выдержал он наконец.

– Простите, это невозможно, – улыбнулся я в ответ.

– Это почему же еще?! – возмутился инспектор.

Вместо ответа я вздохнул и вынул искусственный глаз. Знаю, на неподготовленных людей это производит сильное впечатление.

– Сложно смотреть одним в два, – счел я необходимым заметить, видя, что Деверелл онемел.

– Ну что ж... – выдавил он. – Продолжим...

В конце концов инспектору пришлось меня отпустить (видимо, за недостаточностью улик). Сверившись с часами, я выяснил, что визит в полицию отнял у меня порядочно времени, так что к обеду я опоздал. Ларример наверняка будет в ярости!

Молоденький констебль, которому было велено проводить меня на выход, весьма рьяно отнесся к этому поручению. Он зачем-то повел меня к черному ходу (видимо опасаясь, что у главного входа может притаиться засада).

Обстановка в полицейском управлении, надо признать, навевала самые унылые мысли: серые панели на стенах (трудно сказать, какими они были прежде, но теперь вытерлись до такого вот мышинового оттенка), немаркие темно-зеленые ковры и чахлый *Neolloydia conoidea* у зарешеченного окна, выходящего на соседний дом.

Разумеется, мимо такого издевательства над несчастным растением я пройти не мог!

– Констебль, будьте так любезны, переставьте горшок с этим милым растением в более солнечное место! – попросил я, останавливаясь, чтобы погладить бедный кактус. Клянусь, он почти мурлыкал под моими пальцами!

– Сэр, попрошу не останавливаться! – ломким баском возмутился он неожиданной остановке, чуть ли не подталкивая меня в спину.

– Только при условии, что вы сегодня же переставите цветок! – потребовал я сурово. Как ни жаль, от идеи умыкнуть бедолагу на глазах у блюстителя порядка пришлось отказаться...

– Как скажете, сэр! – Кажется, несчастный готов был пообещать мне все, включая свою бессмертную душу.

Довольно кивнув, я направился к лестнице. Нужно не забыть в следующий раз осведомиться о дальнейшей судьбе бедняжки *Neolloydia conoidea*. А я не сомневался, что следующий раз таки воспоследует...

Домой я добрался уже затемно. На стук дверного молотка (кстати, надо бы заменить его на современный электрический звонок, но Ларример наверняка воспротивится такому нововведению) долго никто не отзывался.

Наконец Ларример со скорбным видом распахнул дверь.

– Вы вернулись, сэр? – спросил он так, словно мне лучше было бы не возвращаться вовсе.

Хм, почему я чувствую настоятельную потребность извиниться?

– Дела, Ларример! – ответил я как мог более небрежно. – Представляете, на инспектора Таусенда напали прямо на выставке!

– А ведь я говорил вам, сэр! – тут же приосанился дворецкий. – На такие мероприятия нельзя пускать всяких уличных оборванцев! Простите, сэр.

– Полно вам, Ларример, – отмахнулся я. – Тот господин был вполне прилично одет и даже, кажется, надушен.

В памяти всплыл навязчивый запах, исходящий от хулигана. Это был пот, явно свежий, и еще какой-то странно знакомый аромат.

Впрочем, Ларример был не расположен рассуждать о парфюмерии.

– Сэр! – начал он сурово, помогая мне снять пальто. – Вынужден заметить, что обед остыл!

Судя по его тону, это событие по трагичности приравнялось к гибели Помпеи.

– Ничего, сделайте мне несколько сэндвичей и горячего чаю! – попросил я. – На улице сегодня свежо.

– Как прикажете, сэр! – ответил Ларример и с тем и отбыл.

Если бы я обладал чуть менее крепкими нервами, мне наверняка кусок бы не лез в горло. Ларример взирал на остывшую курицу, возлежащую на серебряном блюде в центре стола, так, словно она была его убиенной племянницей. Или даже дочерью.

После трапезы я перебрался в оранжерею – в обществе моих милых питомцев мне куда лучше думается. Пожалуй, нужно позаботиться о новом доме для малышки Анны: *Astrophytum* следует пересаживать каждые пять-шесть лет. Да и роскошный Джеймс, мой любимец *Coryphantha*, что-то загрустил...

Эта история никак не давала мне покоя. Вертелась в голове какая-то мысль, но я не мог ее уловить, и это ввергало меня в беспокойное расположение духа. А в таком состоянии я склонен к спонтанным поступкам, о которых порой сам потом сожалею.

Вот и сейчас, не выдержав, я быстро собрался и отправился... разумеется, в полицейское управление. На мою удачу, инспектор Таусенд оказался на месте и согласился меня принять.

– Мистер Кин, – сказал он, когда мы обменялись приветствиями, – и что же привело вас сюда вновь? Мой коллега сказал, после беседы с ним вы вылетели прочь пулей!

– Скорее, меня вытолкали взащей, инспектор, – печально сказал я. – А вообще-то я к вам по делу.

– Да ну? – поразился он, внимательно приглядываясь ко мне. Интересно, Деверелл рассказал ему о моем фокусе или нет? Таусенд-то знает лишь о том, что я слеп на левый глаз, а вот о прочем не осведомлен. – И что же стряслось? Вас обокрали? Или, может, машину угнали? Или что-то снова случилось с вашим кузеном?

– Боже упаси! Я, инспектор, явился к вам, чтобы выручить одного несчастного узника...

– Какого еще узника? – вытаращился на меня Таусенд.

– Невинно страдающего, – скорбно сказал я. – Находящегося на грани гибели...

– Мистер Кин, вам голову не напекло, часом? – заботливо поинтересовался инспектор, потом посмотрел в окно: сегодня было пасмурно. – Или, может, жар у вас?

– Ничего подобного, – заверил я, сдерживая улыбку. – Просто когда я был здесь в прошлый раз, то увидел совершенно заморенный экземпляр *Neolloydia conoidea*...

– Какая еще конно-идея?! – возопил замученный Таусенд. – Вы издеваетесь, что ли?

– В мыслях не было! Простите за профессиональный жаргон... Видите ли, там у вас на одном подоконнике стоит кактус, почти уже погибший. А я, между нами, большой их любитель. Вот зашел спросить, нельзя ли мне его... хм... спасти? Нет, разумеется, если он проходит по инвентарным спискам...

– Вы меня уморите, мистер Кин, – расслабился инспектор.

– Я готов возместить ущерб или, скажем, приобрести для украшения коридора какое-либо тенелюбивое неприхотливое растение...

– Да заберите так! – махнул он рукой. – Я сам не знаю, откуда здесь эта колючка. Может, от предшественников осталась... И надо было такого наболтать, а?! Узник, понимаешь...

– Благодарю, инспектор! – воскликнул я. – А как поживает другой узник?

– Еще кактус? – нахмурился он.

– Да нет же, тот сумасшедший, который вас едва не придушил. Он кто? Беглый каторжник?

– Бросьте, – сказал Таусенд. – Самый обыкновенный бакалейщик. Как в себя пришел, штраф уплатил, так и выпустили.

– Но он ведь на вас напал! – заметил я.

– Я же не при исполнении был, – вздохнул инспектор. – А ловко вы его! Надо себе тоже трость завести...

– Благодарю, – скромно ответил я. – Надо же... бакалейщик! А может, он сумасшедший?

– Нормальнее нас с вами, – сделал мне сомнительный комплимент Таусенд. – Доктор его осматривал. И раньше, этот Питерсон говорит, никогда с ним такого не было. Наверно, припадок случился – там в павильоне духота-то какая!

– Да, это верно. Ну, хорошо, что все обошлось, – улыбнулся я и поднялся, прощаясь. – Благодарю за кактус, инспектор!

Он только фыркнул в ответ, а я забрал с памятного подоконника (давешний констебль выполнять свое обещание не спешил!) колючего страдальца и преспокойно вышел из здания. Констебль у входа (другой, постарше) даже внимания на меня не обратил, будто у джентльменов нынче в моде прогуливаться с кактусами наперевес!

Итак, узнал я не очень много, но достаточно. Много ли в городе бакалейщиков? Думаю, достаточно. А по фамилии Питерсон? Вряд ли! Можно спросить в первой же бакалейной лавке, конкурентов все знают, да и в лицо я его помню...

– Ну что, Конно-идея? – весело спросил я у кактуса, пристроив его на заднем сиденье. – Поедем искать нашего бакалейщика!

Я решил проехаться по лавочкам и порасспрашивать местных обитателей. Надо сказать, мой сверкающий автомобиль, медленно ползущий по узким улочкам не самых респектабельных кварталов, производил неизгладимое впечатление на здешних жителей. Кактус на сиденье – тоже. Мальчишек за мной неслось десятка два, никак не меньше! Кстати, а это мысль!

– Эй, – окликнул я ближайшего пацана и показал ему монетку. – Знаешь, где живет бакалейщик Питерсон?

Тот огорченно помотал головой.

– Я! Я знаю! – вперед протолкался оборванный, но очень бойкий рыжий мальчуган. – Через улицу от нас!

– Дорогу показать сможешь? – Вряд ли бы я понял его путанные объяснения, а плутать не хотелось.

– Конечно, мистер!

– Тогда беги вперед и показывай, – кинул я ему монету. – Приведешь, получишь еще!

Наверно, он рассчитывал, что я впущу его в автомобиль, но нет уж, потом сиденья не отчистишь...

Мой маленький проводник не подвел, вскоре я уже затормозил возле небольшого домика. Кажется, лавка уже не работала, во всяком случае, покупателей я что-то не приметил.

– Там он, там! – запрыгал мальчишка, сунув нос внутрь. – Он допоздна торгует! Давайте монету, мистер!

– Лови, – сказал я, выбираясь из машины. Потом подумал и прибавил еще одну. – Присмотри, чтобы до автомобиля никто не дотрагивался.

– Непременно, мистер! – обрадовался очередному заработку парнишка, а я, осторожно придерживая полы светлого пальто, подошел к двери лавочки.

Обычно в бакалейных лавках стоит приятный аромат кофе, шоколада, мука и та придает воздуху своеобразный, чуть пыльный запах, но здесь все было иначе.

«Похоже, хозяину пора проверить срок годности консервов», – подумал я, смерив взглядом пирамиды банок и склянок и сдерживаясь, чтобы не поднести руку к лицу. А лучше – вульгарно зажать нос!

Хотя нет, это не был запах испорченного паштета (не то чтобы я был специалистом по этому запаху, но все же...). Мне уже приходилось обонять нечто подобное, но где и когда?

Хозяин скучал за прилавком. На лице его была написана вселенская тоска, и немудрено: ни единого покупателя! Впрочем, я не удивлен...

– Сэр? – встрепнулся он, когда звякнул колокольчик над дверью. – Что вам угодно?

– Это вы – Питерсон? – спросил я, чтобы исключить любую возможность ошибки. В лицо-то я его узнал, но бывают же похожие люди! Я ведь его тогда не слишком пристально разглядывал, не до того было.

– Да, сэр, – нахмурился он.

– О! Вы-то мне и нужны, – сказал я. Запах сделался сильнее, и я решил не подходить ближе. – Это ведь вы были на цветочной выставке недавно? И напали на человека?

– Вы из полиции, сэр? – мрачно спросил он. – Или это я на вас напал? Так я ведь все уже рассказал, штраф заплатил... Говорю ж, ничегошеньки не помню! Помрачение какое-то нашло, и вас я тоже не помню, уж простите!

– Да что вы, Питерсон, – махнул я рукой. – Это я должен перед вами извиниться!

– Сэр?! – Глаза у него полезли на лоб, а буйные нечесанные волосы чуть не встали дыбом.

– Да-да. Видите ли, это я вас ударил, чтобы остановить! – О миссис Таусенд я благодарно умолчал. – Надеюсь, не слишком сильно?

– Что вы, сэр... – пробормотал он и взъерошил шевелюру волосатой ручищей. – Ну, шишка вскочила, подумаешь... Хорошо, что стукнули, не то неизвестно, до чего бы дело дошло! Грех бы на душу взял!

– Ну там уж полисмены бежали, оттащили бы, а я лишь немного поторопил события. И, поверите ли, места себе не находил – рука-то у меня тяжелая! В полиции сказали, что вас отпустили, вот я и разыскал вас, чтобы удостовериться – вы в полном здравии.

– Да вроде того... – вздохнул он.

– Но что же это с вами такое приключилось? – не отставал я. – Не от духоты ли?

– Да что ж он, сэр, барышня какая, чтоб от духоты сомлеть? – раздался въедливый женский голос, и в лавке появилась крепкая женщина средних лет, наверное, супруга Питерсона. Довольно привлекательная, должен отметить, но, видно, держит муженька под каблуком. – Он давно уже на людей бросается!

– Да-а? – заинтересовался я, а бакалейщик начал ковырять прилавок крепким ногтем. – А мне сказали, доктор никакой болезни не нашел...

– Так он здоровей быка! – высказалась миссис Питерсон. – Ясное дело, нету у него никаких болезней! Разве что... – Тут она замялась.

– Что такое? – мягко спросил я.

– Мать! – Наверно, Питерсон хотел рявкнуть, но вышло почему-то жалобно.

– Немошь на него напала, – сообщила словоохотливая женщина. – Так это уже прошло! Лекарство выпил – и прошло. Лучше б не пил, ведь покоя не дает!

Да, в приличном обществе миссис Питерсон делать нечего... В ином случае я развернулся бы и ушел, но сейчас я должен был докопаться до сути!

– Лекарство? Что же это за волшебное средство? – старательно удивился я.

– А порошок, – охотно ответила она, решив видимо, что на меня тоже «напала немошь». – Несколько раз принял – и все! Я уж сперва обрадовалась, прямо молодость вспомнила, а потом аж взвыла! Днем по хозяйству крутишься, ночью тоже покоя не дает, где мне сил-то взять? Это он, бугай здоровый, за прилавком стоит, а я?.. А поди откажи – прям звереет! Пару раз чуть не прибил, окаянный!

У меня начало светлеть в мыслях.

– Мать!.. – прохрипел багровый бакалейщик.

– Еще и нести от него стало, как от душного козла, – припечатала миссис Питерсон. – Не настаиваешь! И всех покупателей распугал!

И тут я вспомнил этот запах. Тот самый, что обонял в цветочном павильоне! Значит, так пахло от Питерсона... Интересно, почему?

– А раньше ваш муж проявлял агрессию? – спросил я, увидел в глазах женщины непонимание и поправился: – Поднимал на вас руку?

– Да попробовал бы только! – подбоченилась она. – Я б ему сковородкой сразу!.. А под подушку-то ее не положишь! Да и... побоялась бы я. Он какой-то чумной делается, ничего не соображает, слов не слышит, прет дурниной...

– Прямо как в этот раз... – пробормотал я и посмотрел на Питерсона. Тот понурился. Ну верно, не всякий день супруга отчитывает его перед заезжим господином, да еще с такими подробностями! (Вот именно поэтому я давным-давно дал зарок не жениться ни при каких

обстоятельствах. Кактусы, по крайней мере, молчат о наших с ними отношениях!) – Любезный, а там, в павильоне, с вами произошло что-то подобное?

Он побагровел еще сильнее, хотя, казалось, куда уж больше?

– Просто очень уж странно все это выглядит, – продолжал я. – Жену вы, я вижу, любите, живете в согласии, и вдруг... Пострадавший... я имею в виду первого, который отделался легким испугом, – он что, напомнил вам супругу?

Юноша в вишневом пальто даже отдаленно не походил на миссис Питерсон, но я решил – уж блефовать так блефовать!

– Н-нет... – выдавил бакалейщик. – Я сам не понял, чего это вдруг... Вижу – красное, ну и... А тут инспектор, а у меня уже глаза пелена застила, тоже красная, я и не соображаю, что делаю, чувствую только – оттаскивают! Ну и...

– То есть в неконтролируемое буйство вы впадаете в случае отказа, – резюмировал я. – И началось это не так давно...

– Да он всегда был телок телком, – вставила миссис Питерсон. – А тут вдруг раздухарился на старости лет!

– Очень интересно! А порошочка у вас того не осталось случайно?

– Нет! – отрезала она. – Я все сразу в уборную и выкинула! Годы наши уже немолодые, лучше так будем век коротать, чем этакая стыдобища! В полицию забрали! Да за что! Сраму-то...

– А где вы это снадобье купили? – спросил я бакалейщика, и тот подробно объяснил. Адрес был мне поразительно знаком – тот самый, из брошюрки! – И откуда вы узнали о нем?

– Так в письме было. У нас тут на улице, почитай, всем мужикам прислали, – выдавил он.

– Прелестно... – сказал я. – Ну что ж... А когда вы там побывали, ничего необычного не заметили?

– Необычного? – Питерсон снова почесал в затылке. – Ну... Там один ошивался такой, странноватый тип. Наверно, из художников, у них у всех гривища – во!

– Да у вас, любезный, и у самого шевелюра – дай бог каждому, – усмехнулся я.

– Да-а, чего-то я оволосел... – признался тот. – То борода, почитай, не росла, а теперь – во какой веник! Бритвы тупятся!

– А почему вы решили, что в том заведении был именно художник?

– А пальцы в краске, – ответил он. – Но не маляр же! По-господски одет, вот вроде вас. Только не такой аккуратный. Сидит, понимаешь, без пиджака, как у себя дома, и с хозяином болтает. По имени его называл...

– Еще интереснее... Ну что ж! – сказал я. – Искренне надеюсь, что с вами впредь не произойдет никаких неприятностей. Всего доброго!

Выйдя из лавки, я с наслаждением вдохнул поглубже. На этой улице воздух был не сказать чтобы ароматным, но после этого помещения...

– Мистер, я ваш автомобиль сберег! Никто и пальцем не коснулся! – запрыгал передо мной давешний мальчуган, и я рассеянно бросил ему еще одну монетку. – Спасибо, мистер! А можно спросить?..

– Спрашивай, – великодушно ответил я, отпирая дверцу. Она была немного захватана – видно, ребятня заглядывала внутрь. Ну, не поцарапали, и на том спасибо!

– А... а зачем вам эта штука? – Грязноватый палец указал на кактус.

– Видишь ли, – произнес я проникновенно, понизив голос, словно готовился поведать

великую тайну, и даже чуть склонился к мальчишке. – Это – мой лучший друг!

Надо было видеть эти глаза...

По возвращении я обнаружил Ларримера в странно благодушном настроении. Дворецкий инспектировал запасы коньяка, мадеры и прочих крепких напитков, и о ком-то другом я бы подумал, что оные запасы он дегустировал, однако Ларример был убежденным трезвенником. Хорошо хоть, до лекций о вреде алкоголя он не опускался – видимо, потому, что и отец мой, и дед весьма охотно распивали бутылочку-другую. Я тоже следовал семейным традициям.

– Что-то случилось, Ларример? – на всякий случай поинтересовался я.

Надо признать, ворчал он далеко не всегда, однако столь довольным видеть его мне доводилось редко.

– Что, сэр? – чему-то улыбаясь, рассеянно переспросил он. Спohватился, с явным усилием принял невозмутимый вид и ответил: – Нет, сэр. Ничего.

– Хм... – Я задержался у лестницы и, склонив голову набок, посмотрел на него. Однако Ларример задумчиво рассматривал лепнину на потолке (то ли разыскивая паутину, то ли просто мечтая). Он даже не проверил, не различаются ли сегодня мои глаза! – Тогда подайте мне сэндвичи в кабинет.

Признаться, я сказал это намеренно, рассчитывая получить в ответ лекцию о правилах поведения настоящего джентльмена. Вероятно, то обстоятельство, что Ларример чуть ли не лично воспитывал меня с пеленок, а своей семьи не имел, сказывалось на его отношении ко мне. Болезненно щепетильный в вопросах приличий и классовых различий, он тем не менее позволял себе меня не только поучать, но и отчитывать (разумеется, сопровождая это действие множеством расшаркиваний).

Однако Ларример обманул мои ожидания.

– Как прикажете, сэр! – ответил он, величественно склонив седую голову (отчего стала заметна едва обозначившаяся плешь на затылке).

От такой покладистости я едва не споткнулся на ступеньке.

– Хм... И будьте так любезны, подайте обед на час раньше! – приказал я, чтобы проверить его реакцию.

На лице Ларримера мелькнула тень, однако странное благодушие его не покинуло.

– Конечно, сэр!

Мне оставалось лишь задумчиво покачать головой и отбыть.

Что бы ни стряслось с Ларримером, обязанности свои он по-прежнему выполнял отлично: спустя всего пять минут передо мной стоял поднос, на котором на изящных тарелочках были разложены сэндвичи с тунцом, сыром, огурцом и ветчиной. И, вершина заботы, скромный пирожок с квашеной капустой! Признаюсь, я пристрастился к этому неказистому блюду в своих путешествиях, и теперь временами не мог себе отказать в этом удовольствии.

Обычно Ларример таких плебейских вкусовых предпочтений не одобрял (знал бы он, чем мне доводилось питаться в экспедициях!), и то, что он подал мне это даже без напоминания с моей стороны, окончательно меня убедило – неладно что-то в нашем доме...

Впрочем, об этом можно подумать позже. После путешествия по сомнительным кварталам аппетит мой разыгрался не на шутку.

Я принялся размышлять, не отвлекаясь тем не менее от предложенных яств.

Итак, что мы имеем? Вне всяких сомнений, странное поведение Питерсона как-то

связано с тем подозрительным белым порошком, который он приобрел по рекламному объявлению. Нежели это наркотик вроде опия или гашиша? Нет, решил я, припомнив исходящий от лавочника запах. На сладковатый опийный душок не похоже. Хотя возможно, это какой-то новый дурман, пока еще не известный широкой публике.

Пожалуй, стоит еще раз перечитать брошюрку (теперь я радовался, что не успел предать ее огню), но только после еды! Такая мерзость способна кого угодно лишить удовольствия даже от самой изысканной пищи.

Надо проверить, не притаилась ли под носом у полиции банда особенно наглых наркоторговцев. Разумеется, если подозрения мои подтвердятся, я немедленно сообщу о них инспектору Таусенду. Однако пока это лишь смутные догадки, построенные на зыбком песке. К тому же что-то тут было не так...

Любопытство дразнило мой рассудок, как пузырьки шампанского дразнят нёбо.

С сэндвичем в руке я добыл из тайника заветную бутылку и, сделав положенные три глотка, потянулся к шахматному столику за остальным реквизитом...

Закончив с занятием, уже ставшим привычным, я вынужден был констатировать, что пока мало что прояснилось. Множество намеков, некие тонкие ниточки, но ни одного сколько-нибудь стоящего доказательства! Однако в том, что с таинственным лекарством что-то нечисто, теперь можно было не сомневаться. Если подумать, избыточное усиление мужского начала вполне могло вызывать излишнюю агрессивность, свойственную... скажем так, выдающимся самцам. Только не оказалось бы лекарство куда хуже болезни!

Я дернул за шнурок и попросил явившегося на зов дворецкого:

– Ларример, будьте добры, принесите мне конверт.

– Конечно, сэр! – отвечивал Ларример, каменная маска на лице которого нет-нет да и норовила растрескаться под напором улыбки.

Доставив требуемое, Ларример отбыл, а я принялся читать мерзкую брошюрку, теперь уже более внимательно. Скабрезные высказывания и рисунки, которыми она пестрела, вызвали желание немедленно бросить эту гадость в огонь, однако я мужественно прочитал ее до конца.

Если верить свидетельству миссис Питерсон, упомянутое в брошюрке изрядное возрастание мужской силы действительно имело место, хотя и вряд ли в сто раз. Однако подобные преувеличения вообще свойственны рекламе, здесь ничего странного как раз нет. Вопрос только в том, знает ли продавец чудодейственного средства о некоторых его побочных эффектах, а также проявляются ли оные у всех его принимавших или же наблюдаются лишь в отдельных случаях?

Выяснить это, не выходя из дому, не представлялось возможным. Пожалуй, после обеда мне следует наведаться по указанному в рекламе адресу. Некоторая доля риска в предстоящем предприятии меня даже радовала – давненько мне не доводилось совать голову в пасть льву! (Надо же, совсем недавно я думал о том, как хороша спокойная, размеренная жизнь!)

Жаль только, что моим милым питомцам сегодня придется скучать без меня. По счастью, они не нуждаются в таком неустанном внимании, как капризные гардении или, скажем, орхидеи. Перед обедом я зашел к своим любимцам и извинился за то, что не смогу уделить им достаточно времени. Кажется, кактусы меня простили...

После сытного обеда и вдобавок съеденных ранее сэндвичей меня одолела некоторая лень, однако не в моих привычках изменять принятым решениям, так что я велел Ларримеру

вызвать такси. Я несколько опасался, что продавец побоится связываться с респектабельно одетым джентльменом, поэтому облачился в самый скромный костюм, который смог отыскать в своем гардеробе, неновый и слегка вышедший из моды. Конечно, мне прислали брошюрку (кстати, надо захватить ее с собой), однако вполне вероятно, что их рассылали по адресной книге, не наводя заранее справок об адресатах.

Итак, вооружившись тростью (что привело Ларримера в еще более приподнятое расположение духа, если это, разумеется, было возможно!) и пресловутой брошюрой, для приличия помещенной в плотный конверт, я отправился на поиски разгадок.

Слава богу, Ларример даже не подозревал, куда я уехал. Иначе, боюсь, новоприобретенное благодушие ему бы изменило...

Признаюсь, я намеренно поехал на такси, а не на собственном автомобиле. Во-первых, указанный в рекламе адрес был мне неизвестен, но, судя по всему, место это находилось где-то на окраине, в кварталах со скверной репутацией. А во-вторых, пускаясь в опасную авантюру (мое появление могло насторожить преступников), следовало обзавестись как минимум одним свидетелем, который в случае чего вызовет полицию.

– Милейший, подождите меня тут! – попросил я, выбираясь из автомобиля. – И будьте так любезны, если я не вернусь через полчаса, кликните констебля.

– Как скажете, – флегматично пожал плечами водитель, судя по выговору, простецкой физиономии и светлым волосам, уроженец севера.

Остановившись напротив аляповатой вывески «Бычья сила», изображавшей этого самого быка в расцвете сил и возможностей, я невольно оглянулся на такси, и ненадежное это убежище вдруг показалось мне неожиданно уютным и безопасным (хотя поначалу дребезжащий газолиновый автомобиль ядовито-желтого цвета не произвел на меня хорошего впечатления). Среди серых домов, нависающих над узкой улочкой, яркий кузов машины напоминал цветок, неведомо как расцветший на голой скале. Нельзя сказать, чтобы район этот считался наихудшим в городе, однако публика тут обитала своеобразная: дамы полусвета, небогатые представители богемы и тому подобные персонажи.

Я, поправив шляпу и поудобнее перехватив трость и конверт, направился к входу в это сомнительное заведение. Обычно лекарства продают аптекари, но это здание несколько не походило на аптеку, скорее уж на публичный дом не самого высокого пошиба. Тут не было даже молотка, не говоря уж о звонке, так что стучать в дверь пришлось набалдашником трости.

Открывший мне пожилой господин, несомненно, знал лучшие времена: его одежда, некогда дорогая, носила следы многочисленных и не слишком тщательных стирок, – но в манере держаться чувствовались остатки бывшего достоинства.

– Чего изволите? – поинтересовался он с натянутой улыбкой, держа дверь открытой ровно настолько, чтобы выглянуть в образовавшуюся щель.

Впрочем, это не помешало мне унюхать тот самый аромат, который я не так давно обонял в бакалее Питерсона.

– Видите ли, я получил ваше объявление... – начал я, понижая голос. – Вы – мистер Барентон, не так ли?

– Да, это я, – не двигаясь с места, признал он с явной неохотой.

Как ни странно, в дом меня впускать не торопились! Не очень-то приветливое отношение к клиентам, так можно и распугать всех покупателей.

– Видите ли, члены моего клуба весьма заинтересовались вашим... изобретением, –

продолжил я, стараясь, чтобы голос мой звучал чуть смущенно. – Возможно, мы приобретем довольно крупную партию...

– Боюсь, это невозможно! – не дослушав, возразил он.

– Почему же? – вполне искренне удивился я. Неужели, напад на золотую жилу (а некоторые джентльмены будут готовы заплатить любые деньги, только бы избавиться от... некоторых проблем), мистер Барентон так легко откажется от возможности разбогатеть?

– Не важно! – неожиданно зло ответил он. – Фирма закрылась!

И захлопнул дверь прямо перед моим носом.

Мне ничего не оставалось, кроме как вернуться в такси.

– Куда теперь, мистер? – даже с некоторым сочувствием спросил водитель, оборачиваясь ко мне.

Действительно, неплохой вопрос. Вылазка моя, можно сказать, завершилась провалом: ничего узнать не удалось, кроме разве что косвенного подтверждения: прием лекарства вызывает неприятный запах.

– В полицейское управление на Райкер-стрит, – определился я, откидываясь на спинку и закрывая глаза. Мне было о чем подумать...

На входе в управление дежурил тот самый молоденький констебль, который не так давно дал мне клятвенное обещание позаботиться о бедном Конно-идее. При виде меня он вжал голову в плечи.

– Извините, сэр, – затараторил констебль, – видите ли, тот кактус куда-то пропал...

– Конечно, вы ведь далеко не сразу о нем вспомнили! – нахмурился я. Потом взглянул на виновато понурившегося констебля и смилостивился: – Не беспокойтесь, я сам о нем позаботился.

– О! – В юноше, видимо, боролись облегчение и досада. – А вы к инспектору Девереллу?

– Нет уж! – даже слегка передернулся я, вспомнив незабываемый опыт общения с этим достойным джентльменом. – Будьте добры, известите о моем визите инспектора Таусенда.

– Хорошо, сэр!

Я поднялся в кабинет инспектора и поздоровался.

– Что-то вы сюда зачастили, – ответил он хмуро, едва буркнув приветствие. – Или у нас еще где-нибудь кактус остался?

– Вот уж чего не знаю, того не знаю, – ответил я, усаживаясь напротив и пристраивая шляпу на коленях. – Но если вы его обнаружите, не считите за труд, скажите мне, я его непременно спасу! А вы, инспектор, что-то совсем мрачны...

– Будешь тут мрачным, – сказал Таусенд устало. Видимо, мой статус его спасителя на некоторое время вынудил инспектора быть чуточку повежливее. Но только чуточку. – Работаю с утра до ночи, не то что... – Тут он покосился на меня, а я обаятельно улыбнулся. – Только проку-то?

– Это все те убийства? – проявил я прозорливость. – Так и не отыскали виновного?

– Хуже! – воскликнул инспектор. – Еще два тела нашли! Так что выкладывайте, с чем пожаловали, мистер Кин, и идите себе, у меня без вас хлопот полон рот!

– Да я, понимаете, хотел кое-что вам рассказать о том бакалейщике, и не только, – сказал я и заметил проблеск интереса в глазах Таусенда. – Дело вот в чем...

Я вкратце изложил то, до чего сумел додуматься, а именно идею о связи шарлатанского зелья и возрастающей агрессивности тех, кто им воспользовался.

– Это интересно, конечно, мистер Кин, – хмуро сказал инспектор, выслушав меня. –

Значит, порошок выпил и начал на людей кидаться... Хотите сказать, этот убийца тоже может быть из таких, верно я вас понял?

– Именно. А может быть, он и не один такой.

– Еще того не легче... – Таусенд взялся за голову. – Только, мистер Кин, проку от этих ваших изысканий никакого! Запах к делу не пришьешь, это раз. Улик никаких нет, сами же сказали, что супруга бакалейщика все выбросила. Лавочка закрылась, владельца теперь ищи-свищи! Поищем, конечно, да только, думаю, и у него ничего уже на руках нет...

– Инспектор, а как вы полагаете: мог он закрыть дело потому, что узнал о побочном эффекте своего зелья?

– Да кто ж его знает! – пожал тот плечами. – Может, так, может, попросту прогорел или там переехать решил. Если отыщем, спросим, да только он отпираться будет, а предъявить ему нечего! Так... – насторожился вдруг Таусенд, пристально глядя мне в глаза. Я что, опять перепутал? А Ларример ничего не сказал, пребывая в странно приподнятом настроении! – Вы что затеяли, мистер Кин?

– Я?! – изумился я. – Да что вы! Вы же меня прекрасно знаете, я шагу лишнего не ступлю, такова моя природа...

– Природа... – проворчал инспектор. – Ну? Все выложили? Надеюсь, сами вы этого порошокку не прикупили? А то еще начнете на людей бросаться!

– Грубо, инспектор, – посетовал я, поднимаясь. – О, кстати!

– Ну что вам еще?! – Он уже не чаял, чтобы я поскорее убрался из его кабинета и желательно вообще из города.

– Вы ведь даже не спросили, как звали того торговца, – пожурил я. – Так я и знал, что вы и не собираетесь его искать! Конечно, кто я – обычный человек, и кто вы – опытный полицейский... Зачем вам мои глупые измышления?!

– Ну и как же его имя? – Разоблаченный Таусенд насупился.

– Некто Барентон, – сказал я, а инспектор нахмурился.

– Джозеф Барентон? С чего бы это он в торговлю подался?

– Так он вам знаком? – поразился я.

– Еще бы не знаком! – фыркнул Таусенд. – Сколько раз его забирали...

– За что же, если не секрет?

– Да за пьяные дебоши, за что еще? Соберутся всей этой своей наивной компанией... вот название придумали, нашлись тоже птички-наивняки – и давай гулять! Соседи вечно на шум жаловались и на то, что он непотребных девиц к себе водит, натурщицы якобы... Правда, давненько его уже не видать, должно быть, и впрямь остепениться решил. Да и то, из него художник, как из меня актриса варьете!

– Очень даже может быть, – задумчиво сказал я и поспешил откланяться.

Еще один Барентон? Художник? Лавочник говорил о человеке, которого посчитал художником и который держался у Барентона-торговца как у себя дома. Совпадение? Не верю я в такие совпадения! Может быть, они родственники? Имени торговца я не знал, в рекламе значилось «Р. Барентон». Очень любопытно!

И у меня родился план...

Как и большинство моих сверстников из хороших семей, я подвергался суровому домашнему обучению. Меня учили не только письму и счету, а впоследствии более сложным наукам, но и прививали любовь к изящным искусствам, в том числе живописи. Увы, я оказался настолько бесталанен, что был неспособен нарисовать даже домик, чем до

крайности расстраивал матушку (она писала прелестные легкие акварели, многие из которых и по сей день украшают стены моего дома). И это при том, что я вполне недурно чертил! «Ну, полно, нельзя же быть талантливым во всем!» – говорил обычно отец и посмеивался, явно намекая на мою нелюбовь к музицированию, парусному спорту и теннису. Разумеется, всему этому я обучился если не на отлично, то на вполне приемлемом для джентльмена моего положения уровне и мог не опасаться ударить в грязь лицом. Но вот живопись, увы, так мне и не покорилась!

«Что ж, – философски подумал я, подъезжая к дому, – я всегда могу сказать, что любовь к изобразительному искусству поразила меня внезапно, как поражает молния, и теперь я жажду приобщиться к прекрасному. Пускай обучают!»

– Ларример, знаете, я решил стать художником, – сказал я, отдавая дворецкому трость и шляпу.

– Прекрасно, сэр, – сказал он с улыбкой. Его радужное настроение ничуть не померкло с утра, и он даже не вспомнил мою чудовищную детскую мазню, по недоразумению именовавшуюся рисунками.

– Но мне ведь нужно будет практиковаться! Давайте я напишу ваш портрет?

– Сэр, осмелюсь заметить, джентльмену не пристало рисовать портрет дворецкого, – серьезно сказал он.

– Как угодно, Ларример, – пожал плечами я. – Тогда я пока потренируюсь... вот, скажем, на кактусах!

И, оставив замершего дворецкого, я прошествовал в оранжерею. Спасенный Конно-идея, с которым я возился весь вчерашний вечер, кажется, заметно приободрился. Это меня воодушевило и, перекусив на скорую руку (и снова Ларример даже не подумал возразить, что меня уже порядком напугало!), я принялся собираться.

Костюм я сменил – и так уже инспектор как-то странно на меня смотрел, привык ведь видеть элегантно, по последней моде одетого джентльмена! Да и скверно у меня получается притворяться человеком более низкого общественного положения... Лучше уж изображу пресыщенного скучающего господина, решившего найти себя в искусстве. Да! Как нельзя кстати пришелся кошмарный сиреневый шарф, подаренный на прошлое Рождество тетужкой Мейбл! Он дисгармонировал со всем ансамблем и придавал мне немного безумный вид. Подумав, я решил, что хуже уже не будет, вставил вместо голубого глаза ярко-зеленый и постарался как следует взъерошить волосы. Теперь я выглядел совсем уж странно. Трость я, разумеется, тоже прихватил: в случае чего ею можно отбиваться, как дубинкой.

Художники – как птицы, перелетают с места на место всей стаей. А если не прибегать к поэтическим сравнениям – то стаей галок, которых шуганули уставшие от шума люди. Все прекрасно знали, что сейчас они обосновались в старинном квартале Истон-роуд, где дома едва не рушатся на головы своих жильцов, зато аренда необыкновенно дешева.

«Надо было взять такси», – подумал я. Мое авто смотрелось в этой обстановке совершенно дико!

Табличек на домах почти нигде не было, так что ориентироваться в этой мешанине пристроек, руин и обветшалых веранд без посторонней помощи не представлялось возможным. Пришлось притормозить у тротуара рядом с буйно кудрявым юношей, который в экстатическом восторге смотрел на небо. Тоже художник, определенно, – весь пиджак заляпан красками.

– Простите, – вежливо начал я, опустив стекло, – вы не подскажете, как мне найти дом

мистера Барентона?

Он вздрогнул так, словно я выпалил у него над ухом из ружья.

– Мистера Барентона? – На лице юноши читалось смятение. Видимо, любая проблема, не связанная с техникой смещения красок, светотенью и прочими художественными премудростями, вызывала у него изрядное затруднение.

– Да, – подтвердил я. – Мистер Джозеф Барентон, художник.

В глазах юноши промелькнуло озарение.

– А, Джо-наив! Первый дом справа от перекрестка и направо, вы увидите, обшарпанный такой. В мезонине.

– Благодарю! – обрадовался я (признаться, я уже не чаял добиться от него внятного ответа). Примета, конечно, та еще – здесь все дома обшарпанные, но хоть дорогу объяснил, и на том спасибо!

– Только его давно не видать, – закончил юноша меланхолично.

– А куда он подевался, не знаете? – живо заинтересовался я. Ниточки в этом деле так и норовили оборваться прямо в моих руках.

– Откуда мне знать? – пожал он плечами. – Хотите, у Питера спросите, они вместе квартиру снимали.

– Благодарю! – повторил я, но он уже отвернулся, потеряв ко мне всякий интерес, и снова принялся влюбленно рассматривать небеса...

Мезонин оказался сильно обветшалым. Зимой в нем наверняка сквозило так, что художнику приходилось работать в пальто. Но света, должно быть, достаточно: окна были большими. Хотя, с другой стороны, настолько грязными, что неизвестно, сколько редких в наших краях солнечных лучей могло преодолеть эти многолетние напластования сажи и пыли.

На стук мой никто не отозвался, хотя из открытого окна доносился гул голосов, а дверь была не только не заперта, а даже не притворена толком.

Джентльмену не пристало входить в чужой дом без разрешения, однако, если уж я сегодня выступаю в роли сыщика, можно поступиться правилами приличия.

Двери на первых двух этажах были заколочены, зато третий оказался не просто обитаем, а битком набит людьми. Разновозрастная публика толпилась вокруг импровизированной сцены, на которой сидел на стуле задом наперед импозантный господин с необыкновенно яркими голубыми глазами и львиной гривой темных волос. Означенного господина несколько портили черные волосы, пучками торчащие из ноздрей, однако этот недостаток с лихвой искупался глубоким звучным голосом.

Тихонько пробравшись в комнату, я остановился в уголке, решив послушать.

– Нам, художникам, Богом дана способность проникать в самую суть вещей, отображать на полотне человеческое естество таким, каково оно есть! Крики невежд о приличиях – это притворство толпы, людского стада, которое приводит в ужас сама мысль, что кто-то увидит его без вычурных одежд.

Он на мгновение замолчал, обвел взглядом зачарованно внимающую ему толпу, и продолжил с усмешкой:

– Я призываю вас работать! Писать то, что чувствуете, без ложной стыдливости, без флера морали. Писать натурщиц, а не выдуманные образы, выливать на полотно все то искреннее, настоящее, что вы чувствуете при виде прекрасного женского тела.

Кое-кто из присутствующих покраснел, прилично одетый мужчина рядом со мной

хмыкнул.

– Да! – повысил голос оратор. – Мы должны вернуться к истокам! К тому наивному свету, к жизни, которая лилась со старых полотен эпохи Возрождения! Нет греха в том, чтобы упиваться жизненными удовольствиями! Не прочувствовав искушение, не насладившись им в полной мере, мы можем писать только пресные портреты, угодные ханжам, уподобляясь ремесленникам. Наслаждение – вот путь истинного художника!

В следующий миг я едва не оглох от грома аплодисментов. Кажется, кто-то даже кричал «браво!». Господин на сцене величественно поднялся и раскланялся, прижимая руку к груди.

Мне пришлось подождать, пока собравшиеся вдоволь не наговорятся и не разойдутся, кто по одному, кто группками, бурно обсуждая эту любопытную лекцию. Помнится, мне доводилось слышать о чем-то подобном, и было интересно посмотреть на художников-наив, как они себя называли, так сказать, в естественной среде обитания. Если честно, впечатляло...

Наконец мы остались один на один с львиногоривым господином. Очевидно, это был хозяин квартиры-студии. Он вперил в меня немигающий взгляд и вдруг двумя громадными шагами покрыл разделяющее нас расстояние.

– Какой типаж! – взревел он прежде, чем я успел сказать хоть слово, и схватил меня за плечи. Я обеспокоился – руки у него были не слишком чистыми, а пальто у меня – светлым. – О, какой типаж! Мистер, не желаете попозировать?

– Н-нет, благодарю, – решительно отказался я. – Я по другому вопросу.

– Желаете сделать заказ? – чуть умерил силу голоса художник.

– Нет-нет, речь не об этом, мистер... э-э-э...

– Просто Питер! – отмахнулся он и чуть отступил, разглядывая меня с восторгом ребенка. Я заподозрил, что скоро моя разноглазая физиономия может появиться на холсте, а мне этого вовсе не хотелось. – А вы?..

– Сирил, – зачем-то назвался я именем кузена. Наверно, просто хотел отомстить ему за все неприятности, которые он мне доставлял.

– Итак, Сирил, с чем пожаловали?

– Видите ли... – заговорил я, смущаясь. – Когда-то в детстве меня пытались обучить живописи, но из этого ничего не вышло. Теперь-то я понимаю, в чем дело: уже тогда моя натура стремилась к свободе, к самовыражению, а меня заставляли рисовать гипсовые кубы и унылейшие натюрморты! И вот я узнаю о направлении «наив»... Я перечел все, что сумел найти, а ваша сегодняшняя лекция просто перевернула... все мои представления о живописи!

– Ни слова больше! – воскликнул Питер и хлопнул меня по спине. Я с тревогой подумал, не отбил ли он мне легкие. – Я понял! Вы один из нас! Я сразу подумал, когда вас увидел: «О-о, этот парень свой, хоть и выглядит как лондонский денди!»

– Я очень... словом... я боюсь, в моем возрасте уже поздно что-либо менять, – печально вздохнул я. – Вот если бы кто-то согласился поработать со мной, поставить, так сказать, руку... ну, разумеется, потраченное время будет вознаграждено со всей возможной щедростью!

– Вы явились по адресу! – заявил Питер, и глаза его вспыхнули. Ну еще бы, на материалы, плату за жилье, на наем натурщиц, а еще на гулянки, должно быть, уходит прорва денег, а вряд ли ученики выстраиваются в очередь к этому домишке! Особенно денежные ученики. – Сирил, друг мой, вы даже не представляете, как вам повезло! Вы, должно быть, вообще везунчик, а?

И он игриво ткнул меня пальцем под ребра.

– Н-ну... возможно, – осторожно сказал я. – То есть вы хотите сказать, что не откажетесь позаниматься со мною?

– Ну разумеется! – взревел он. Кажется, говорить тихо он не умел вовсе. – В искусстве, милый Сирил, важна не только техника, что бы там ни говорили академисты! Куда важнее состояние духа! Внутренняя раскрепощенность! Вот с чем вам придется поработать в первую очередь – я ведь вижу, как вы зажаты! Зажаты, а?

– Есть немного, – согласился я.

– Во-от! – воздел он толстый палец. – Ну да ничего, это быстро проходит... Прямо сейчас и начнем!

– Что начнем? – не понял я и на всякий случай начал отступать к двери.

– Работать, дорогой Сирил, работать над собой! Ну а заодно я посмотрю, на что вы способны и в каком направлении вам двигаться дальше... Давайте, снимайте пальто! И пиджак снимайте! Повесьте вон там на гвоздь да засучите рукава... Сейчас я вам найду мольберт... Да куда Джо его задвинул?! А, вот он! Это мой друг, – пояснил о н, мечась по студии. – Он уехал ненадолго по делам. Не беспокойтесь, у нас с ним, считай, все общее, и он не обидится, если мы воспользуемся его вещами...

«И куда же уехал художник, не взяв с собой ничего из своего хозяйства? – подумал я, но спрашивать не стал. Мне было интересно, что дальше. – Ведь все это стоит недешево... Ну, допустим, если на несколько дней, то и ладно. Но и инспектор, и тот юноша сказали, что Джозефа не видно уже давно! Однако не скажешь точно, сколько именно дней прошло! Бакалейщик видел его в лавке, но как установить, исчез Джозеф сразу после этого или нет?»

Масса вопросов и ни единого ответа! Хотя... Я осторожно принялся. Пахло скипидаром, красками, чем-то еще и... да! Здесь держалась едва уловимая тень того самого душного запаха, который появлялся после приема зелья. И Питер, кстати, буйно волосат, как и Джозеф, судя по описанию бакалейщика.

– Запашок, а? – весело спросил художник, пролетая мимо очень большой кометой. – Ничего, скоро привыкнете! По мне, так слаще запаха свежей краски и нет ничего!

– Мне тоже нравится, – сказал я вежливо. В одной рубашке с закатанными рукавами я чувствовал себя до крайности неуютно. – Питер, можно задать вам вопрос?

– Конечно!

– А вот это... – я подергал себя за короткую прядь, – отличительный знак членов общества? Я видел среди ваших гостей много людей с такими шевелюрами... Но, боюсь, мне не удастся...

Питер разразился громовым смехом.

– Да не-эт! – выдавил он наконец. – Экий вы шутник, Сирил! Просто мы ж в работе да в работе, некогда и к парикмахеру заглянуть! Вот и говорят, мол, художники распустихи, немыты-небриты...

«Ну-ну», – подумал я и вздрогнул – за моей спиной скрипнула дверь.

– Нэтти! – громко воскликнул Питер и, отодвинув меня, ввел, вернее, втолкнул в студию невысокую женщину в шали. – Где ты бродишь, крошка моя? Работа стоит!

Она только пожала плечами, скидывая шаль прямо на пол. Я бросился было поднимать, но художник меня остановил:

– Да бросьте, Сирил, она всегда так делает. Это Нэтти, натурщица. Давай, малышка, ты знаешь, что делать... А вы, Сирил, становитесь к мольберту, поглядим, что вы нам

изобразите!

– Э-э-э... – сказал я. – Питер, видите ли, меня учили работать только акварелью. До масла по понятным причинам дело не дошло, и...

– Ничего! Я вам сейчас покажу, в чем тут штука!

И я покорился неизбежному... Правда, скоро понял, что меня ждет еще одно испытание: Нэтти успела раздеться донага и теперь возлежала на той самой сцене, с которой недавно вещал Питер. На лице ее не читалось ничего, кроме скуки: видимо, ей не впервой было обнажаться перед совершенно незнакомыми мужчинами.

Я прикрыл глаза. Нет, я все понимаю, люди искусства, но...

– Вот! Вот о чем я говорил! – взревел Питер. – Сирил, вам нужно внутренне раскрепоститься! А ну-ка, выпейте!

Он сунул мне под нос стакан с дурно пахнущим содержимым.

– Что это?!

– Чистый джин!

– Но я не пью! – попытался я отбиться, потому что не знал, во что превращусь после целого стакана этого пошла неизвестного происхождения и сомнительных достоинств.

– Ну и как прикажете с вами работать? – обиженно спросил Питер и сам отхлебнул джина. – Вам надо расслабиться! Как вы будете писать этюд, если не можете даже взглянуть на бедняжку Нэтти?

– Я... я постараюсь, – выдавил я. Ладно. Бывало и хуже. Потасканная натурщица – не самое ужасное из того, что мне доводилось видеть в жизни, а о джентльменском воспитании придется временно забыть.

– Другое дело! – Последовал очередной хлопок по спине. – Приступайте!

Признаться, я вообще не представлял, что может выйти из-под моей кисти. Я поглядывал на увлеченно работающего Питера и старался повторять его действия хотя бы в малом, но, боюсь, то, что в итоге у меня получилось, назвать этюдом не повернулся бы язык даже у слепого.

– Время, – сказала Нэтти, которая все это время вроде бы продремала. Может, так оно и было.

Я выдохнул – попытка окончилась.

– Ну, до завтра! – сказал Питер, она преспокойно оделась, получила плату и удалилась. Встреть я ее на улице, ни за что бы не подумал, кто она такая! Принял бы за служанку или вроде того... – Отличная натурщица! Никогда не ломается! Таких поди поищи... Правда, берет дороговато. – Он посмотрел на меня с намеком.

– Руки только отмою, – понятливо сказал я, – у меня портмоне в кармане пиджака.

– Отмоем, все отмоем! – обрадовался он. – Ну-ка, что у вас тут?..

На том огрызке холста, что выделил мне Питер, красовалось нечто inferнальное. Желто-фиолетовый червяк (Нэтти) извивался на сером с оранжевыми разводами кубе, явно силясь с него сползти. Длинная розовая макаронина (рука Нэтти) с трудом поддерживала грубо намалеванный оранжевый круг с черными лохмотьями вокруг (соответственно это были голова и волосы Нэтти). Над червяком висел в пустоте ярко-синий квадрат (окно), обрамленный чем-то вроде парусов (я попытался изобразить замызганные занавески).

– Вот это да... – выдохнул Питер, и я понял, что опозорился. А на что я, собственно, рассчитывал? – Вы просто самородок, Сирил! Чистейший, незамутненный наив! Вас учить – только портить!

Я чуть не рассмеялся. А я-то еще думал, почему эти господа называют себя «наив», а сами ведут столь разнузданный образ жизни! Дело-то, оказывается, всего-навсего в наивности изображения! Хотя я, честно говоря, назвал бы это «примитивом»... Но – не звучит!

Следующие полчаса я пытался одновременно отмыть руки и отбиться от попыток Питера непременно подписать этюд моим полным именем и этим же вечером продемонстрировать его друзьям. Ну и, разумеется, представить меня, молодое дарование, отметить мое вхождение в теплую компанию как подобает. Сбежать мне удалось только после того, как я ухитрился всучить Питеру купюру – в счет сегодняшнего урока. Он немедленно умчался за припасами для вечернего кутежа, попросив меня подождать буквально четверть часа.

Разумеется, я немедленно покинул это гостеприимное, но абсолютно не подходящее для меня место! Спускаясь по скрипучей лестнице, я вдруг услышал странный звук за одной из закрытых, но незабитых дверей на первом этаже. Там явно кто-то находился... И этот кто-то никак не мог быть закрытой по случаю приема гостей собакой: собаки клацают по полу когтями, а не топают башмаками и не стучат кулаками в стены. А еще они воют, лают или рычат, но не издают подобных звуков! Клянусь, в жизни не слышал подобного! Хотя...

Перед глазами, как живая, встала картинка: разъяренный бакалейщик душит инспектора Таусенда, издавая рев разъяренного быка. Та-ак! Это уже очень интересно!

Разумеется, я и не подумал соваться в эту комнату. Вскрывать замки я не обучен, вдобавок мне совершенно не хотелось оказаться один на один с явным безумцем (ну не станет же, право, нормальный человек издавать этакие звуки!).

Как можно скорее я добрался до своего автомобиля и поспешил в полицейское управление.

– Опять вы! – дружелюбно встретил меня Таусенд. – Может, к нам на службу поступите, а, мистер Кин? Этак не придется туда-сюда ездить!

– Инспектор, послушайте меня, – серьезно заговорил я. – Кажется, мне удалось кое-что разузнать, но без вашей помощи я не смогу проверить свою догадку!

Внезапно я заметил, что Таусенд смотрит на меня не мигая, и тут же вспомнил – ну конечно, глаз! Неотмытых пятен краски не видно под перчатками, а вот глаз... И шарф, чтоб ему провалиться, я машинально набросил на шею...

– Инспектор!

– Да? – очнулся он, и я быстро изложил все, что сумел вывести, начиная от предполагаемого родства шарлатана с зельем и художника и заканчивая неизвестным, запертым в доме.

По моим предположениям, это был пропавший Джозеф Барентон, хотя доказательств у меня, конечно, не имелось.

Надо отдать Таусенду должное, сориентировался он быстро.

– Так! – сказал он. – Отправляйтесь-ка вы домой и не суйтесь больше в такие места! А то потом еще ваш труп опознавать придется, не приведи боже... А я сейчас возьму ребят покрепче, проверим этот притон!

– А...

– Езжайте домой!

– Но могу я хотя бы завтра заехать поинтересоваться результатами проверки?

– От вас не отвяжешься, – буркнул Таусенд. – До свидания, мистер Кин!

Я вздохнул и направился к выходу. Больше от меня ничего не зависело.

– Мистер Кин! – окликнул вдруг меня инспектор. – Шарфик у вас очень...

– Да?

– Элегантный! – выдавил он и затрясся в приступе беззвучного смеха.

– Подарок тетушки, – с достоинством ответил я и удалился. Хорошо еще, Таусенд не видел моих художеств...

Ну что ж, придется ждать до завтра... Ничего страшного, скоротаю время в обществе моих малышей, я совсем их забросил! А ведь Мадлен, опунция, кажется, собралась цвести, и просто преступно с моей стороны уделять ей так мало внимания!

Я вошел в дом, рассеянно отдал Ларримеру шляпу и трость... и застыл как громом пораженный. Мой благообразный дворецкий, прекрасно смотревшийся хоть бы и в королевском дворце, сейчас напоминал одуванчик. Всегда аккуратно причесанные седые волосы кудрявым белым облачком окружали его голову.

– Что это, Ларример?! – вырвалось у меня, когда я обрел дар речи.

– Реклама, сэр, – с достоинством ответил он и удалился, должно быть, изливать горе своей Атенаис.

Я нашел в себе силы сперва взбежать наверх, скрыться в оранжерее и только потом разразился душившим меня хохотом. Мой бедный старый Ларример! То-то последнее время он ходил такой... одухотворенный, должно быть, дожидался воздействия какого-то средства! И вот дождался... Интересно, на какую рекламную уловку купился-таки несгибаемый дворецкий? Я прошел обратно в кабинет и взял последний номер «Зеркала». Ага, вот оно! «Патентованное средство от облысения, гарантия 300 %. Полное восстановление утраченных волос в кратчайшие сроки! Рекомендовано лучшими специалистами!» Верно-верно, шевелюра у Ларримера начала понемногу редеть, что и немудрено в его солидном возрасте, однако он не мог с этим смириться. Мазать наметившуюся проплешину луковым соком я ему категорически запретил, закрыв глаза на репейное масло и какие-то притирания, но это патентованное средство стало последней каплей... Надеюсь, он тоже так считает!

Как ни странно, мне не пришлось ждать завтрашнего дня. Инспектор Таусенд сам явился ко мне в десятом часу вечера.

– Не спите, мистер Кин? – поинтересовался он, даже не подумав извиниться. Ларример всем своим видом выразил презрение к подобным манерам, что с его новой прической выглядело особенно комично.

– Нет, как видите, – отозвался я. – Рановато еще! Что-то случилось?

– Да вот, спешу вас обрадовать, – сказал он довольно. – Накрыли мы притон!

– Что вы говорите! И?..

– Точно как вы сказали: нашли запертого человека. Совсем сумасшедший, силища невероятная, трех констеблей чуть не изувечил, пока его скрутили! Остальные наверху были, перепились уже, ну да живо протрезвели!

– Это был Барентон? – живо спросил я.

– Он самый, – кивнул инспектор. – Прочие, как поняли, что дело дрянь, живо друг дружку топить начали. Ну, вы про наивняков этих знаете, наверно?

Я кивнул. Еще бы я не знал!

– Ну вот... Пьянство, разврат до добра не доводят, да и возраст уже не юный. Почуяли, что дело-то плохо, стали средства разные искать. А у Барентона брат – аптекарь, вот и состряпал какое-то снадобье. И так, говорят, поначалу помогало, что нарадоваться не могли!

Одна беда – волосы сильно расти стали.

Ларример, неприметно маячивший за спиной инспектора, наострил уши.

– Ну да это-то не беда, – продолжал Таусенд. – А аптекарь, Ричард Барентон, парень ушлый. Решил – что задаром-то трудиться? Открыл лавочку. Неплохо заработать успел... Брата даже деньгами ссужал. А потом пошло-поехало: у многих чердаки течь давать начали. Утром очнута в какой-нибудь канаве – и не помнят, как там оказались. В драку лезли, чуть что. А потом один какой-то вместе с Джозефом повеселиться отправился. Очухался утром, а рядом мертвая девица и Джозеф на полу храпит, весь в крови... Парень сам чуть концы не отдал. Он, видите ли, еще не совсем разума лишился, вроде помнил, что она деньги вперед требовала, так не соглашалась. Ну, Джозеф обозлился и ее того... порешил. – Инспектор вздохнул. – То дело замяли, а остальные перепугались. Бросили эту заразу, Ричард лавку прикрыл, только Джозеф запастись успел, похоже, да переборщил. Совсем человеческий облик потерял, а компания эта боялась страшно, что он опять кого-нибудь убьет и всех выдаст. Ну и заперли от греха. Надеялись, он потихоньку в себя придет...

Что ж, обратной стороной силы стала агрессия, шарлатанское лечение только ухудшило состояние пациентов. Хм... а не зря ведь заведение то называлось «Бычья сила» – как видно, мистер Барентон был в курсе, что такое «уруз», и обладал к тому же весьма своеобразным чувством юмора...

– А тут и вы подоспели! – продолжал инспектор. – Ну, как вам сказочка на ночь?

– Омерзительно, – искренне сказал я. – Инспектор, но, если они ничего не помнят, выходит, убийства женщин так и останутся нераскрытыми?

– Как убивали-то, они и впрямь не помнят, – хмыкнул Таусенд. – А вот как тела потом прятали – очень даже. Запоют как миленькие! Ну, может, не все там убийцы, да только остальные их покрывали... – Он помолчал. – Что ж, мистер Кин, вынести вам официальную благодарность от лица полицейского управления, что ли?

– Не стоит, право! – решительно отказался я. – Мне вот только такой известности еще не хватало! И так происшествие в цветочном павильоне три дня в газетах полоскали...

– Не любите славу? – тоном искусителя поинтересовался инспектор.

– Нет, – искренне сказал я.

– Так она вся нам достанется, не обидно?

– Ни капли, – усмехнулся я. – Это ведь была просто случайность!

– Примите благодарность от меня лично! – Таусенд поднялся и церемонно протянул мне руку. Я пожал ее и не сразу понял, отчего лицо инспектора приняло столь странное выражение. Потом догадался: я так и не сумел вымыть всю краску из-под ногтей. Интересно, что он обо мне подумал? – Гхм... Ну, доброй ночи!

– Доброй ночи, инспектор, – попрощался я и повернулся к Ларримеру. – Ну-с, что вы на это скажете?

– Я скажу лишь одно, сэр... – строго ответил дворецкий. – Реклама – зло!

Глава 3

ТУРИСАЗ^[4]

Немного о гадалках, подложном женихе и полтергейсте

*Шип непомерно остер —
Ранит и воинов, и беззащитных.
Горе тому, кто коснется его!*

Англо-саксонская хроника

Повязав галстук, я отступил на шаг назад и придирчивым взглядом окинул свое отражение в большом зеркале. Оттуда на меня смотрел безупречно одетый рослый широкоплечий джентльмен. Ну что мне стоило уродиться, скажем, кривоногим или даже горбатым? Тогда юные леди не уделяли бы мне столько внимания, а я мог бы спокойно заниматься своими делами — моим малюткам все равно, как я выгляжу! Впрочем, боюсь, и в этом случае я изнывал бы от навязчивого внимания: в нашем городке не так много перспективных женихов, а далеко не все семейства могут позволить себе отправить дочерей в столицу на ярмарку невест.

Я на всякий случай проверил, все ли в порядке с глазами. Да, совершенно одинаковые, светло-голубые, не придерешься. Хм... может быть, я тогда сваял дурака? Может, стоило лишиться чего-нибудь еще? Хотя... смотрите выше. Даже однорукий отставной полковник Стивенсон пользуется бешеным успехом, хотя у него еще и ревматизм, и он непрерывно жует табак, отчего пышные усы его совсем пожелтели.

А я... ну что — я? В общем-то ничего особенного. Черты лица наводят на мысли о лошади (породистой, разумеется) — это у нас семейное, я удался в отца, а не в круглолицую красавицу-матушку. Рост тоже отцовский, а всем прочим я обязан суровому воспитанию. Я уже упоминал, что не слишком любил занятия спортом, приличествующие джентльмену, но моего мнения никто не спрашивал. Нет, мне нравится наблюдать за крылатыми парусниками, и я ничего не имею против морской прогулки, но только если с парусом управляется кто-нибудь другой. Лошадей я предпочитаю любить на расстоянии, как и родственников. Не нахожу ничего интересного в верховой езде: ну что за удовольствие часами трястись на спине четвероногого, которое вдобавок может лягнуть или укусить? (Кстати, никто никогда не верил мне, что два страшных шрама на плече я заполучил не от какого-нибудь леопарда или даже тигра, а всего лишь от зловредного жеребца.) А уж охота — вот увольте!

Конечно, все эти умения мнегодились в жизни, хотя я предпочел бы этого избежать... Единственное, что меня устраивало, — это занятия греблей. Вернее, мне нравилось выгresti на середину реки, осушить весла, лечь на дно лодки и плыть, куда река несет, разглядывая облака. Правда, пару раз я чуть не угодил таким манером под пароход... Обратное же, если не находилось какого-нибудь сердобольного капитана парового катерка, согласного взять меня на буксир, приходилось выгребать против течения — отсюда и прочие

достоинства моего сложения. Бедный портной, вечно он мучается из-за ширины моих плеч – нужно же, чтобы костюм сидел как должно!

– Ларример! – окликнул я. – Оцените.

– Вы выглядите идеально, сэр, – сказал дворецкий, оглядев меня с ног до головы.

– Это-то меня и беспокоит... – вздохнул я и отправился туда, где бывать не любил еще больше, чем у тетушки Мейбл, а именно – на прием к лорду Блумберри, владельцу большей части окрестных земель.

Увы, отказаться от приглашения не было никакой возможности, меня бы просто не поняли. Я и так слишком часто сказываюсь больным или велю Ларримеру говорить, что я в отъезде, лишь бы не присутствовать на каком-нибудь очередном торжестве, приглашения на которые текут рекой. Но одно дело – благотворительный бал в ратуше, и совсем другое – прием у лорда. Хочешь не хочешь, а приличия обязывают... Да и тетушка сживет меня со свету, если не увидит там!

Одним словом, к особняку лорда (какой там особняк, это был самый настоящий дворец!) я подъезжал с тяжелым сердцем. Теперь нужно было изобразить приличествующее выражение лица, припасть к унизированной кольцами ручке леди Блумберри, раскланяться с лордом и прошествовать в залу. И ни в коем случае не попадаться больше лорду на глаза! Ну или во всяком случае, не оказываться к нему слишком близко... Дело в том, что лорд был страстным любителем скаковых лошадей, а поскольку покойный супруг тетушки Мейбл тоже их обожал, то лорд отчего-то решил, что я разделяю это увлечение. Увы, я скверно разбирался в статях, почти ничего не знал о лошадиных болезнях, тонкостях ухода и тому подобном. Ну разве что мог более-менее точно определить, годится та или иная коняга для долгого утомительного путешествия или падет на третий день... Но, опасаясь, лорд Блумберри ожидал от меня совсем иного!

Я с огромным удовольствием скоротал бы вечер в чисто мужской компании, пусть даже за картами или среди стариков, бесконечно повторяющих истории своей молодости. Но снова увы! Здесь оказалось превеликое множество знакомых, приходилось обмениваться приветствиями и хотя бы парой фраз. Это бы ничего, но почти все были обременены супругами, а около многих дам наблюдались целые цветники юных леди. Я был неоднократно взвешен, измерен и признан вполне годным к употреблению... Клянусь, даже взгляд голодного волка не сравнится со взором вошедшей в брачный возраст барышни!

– Мистер Кин! – услышал я знакомый голос.

– Инспектор! – обрадовался я. – Миссис Таусенд, вы очаровательно выглядите!

– Вы мне льстите, мистер Кин, – улыбнулась она. – Хм... кажется, я вижу миссис Фландерс... Дорогой, я покину тебя, мне совершенно необходимо кое о чем спросить ее!

– Инспектор, – негромко сказал я, когда миссис Таусенд величественно удалилась. – Я не специалист в этом вопросе, но мне кажется, вам исключительно повезло с супругой.

– Я тоже так считаю, – довольно сказал он и пригладил бачки. – Что, мучаетесь, мистер Кин?

– Невыразимо страдаю, – согласился я. Инспектор знал, как я не люблю приемы. – А что, так заметно?

– Ну, только если вы полицейский, – усмехнулся он. – Так-то у вас лицо вполне дружелюбное, только вот во взгляде – смертная тоска!

– Это еще что, – сказал я. – Это еще не появилась тетушка Мейбл с Сирилом...

– Боже, – вздрогнул Таусенд, по многим причинам не переносивший моего кузена. – И

здесь от него не будет покоя...

– Чему вы удивляетесь? Лорд всегда приглашает тетюшку, а должен же ее кто-то сопровождать!

– Обычно это вы, – заметил он.

– Да, но она посчитала, что Сирил уже большой мальчик и вполне справится с этой обязанностью.

– Жди беды, – изрек инспектор и покосился на стайку юных леди. (Я только вздохнул: любвеобильность Сирила уступала только его мотовству. А может, и не уступала.) Девушки о чем-то шушукались, и Таусенд профессионально острым слухом уловил тему их беседы. – Опять!

– Что такое?

– Да все это... – Он нахмурился. – Столоверчение, стулокручение... Прямо поветрие какое-то в городе! А вы не знали?

– Впервые слышу, – честно ответил я. – Я ведь не интересуюсь сплетнями.

– А! Ну так вот, в Блумтауне открылся гадательный салон, можете себе представить?

– Что вы говорите...

– То и говорю! Как его там... «Хрустальный шар», что ли? Морочат людям голову, денежки выманивают, а особенно этому дамы подвержены... – Инспектор помолчал. – Хорошо, что моя Джейн – исключительно здравомысляща! И впервые я готов благодарить Господа за эти ее герани... Лучше пусть возится с ними, чем бегаёт в салон!

– Совершенно с вами согласен, – кивнул я. Мне стало любопытно. – А чем именно они там занимаются, вы не в курсе?

– В курсе, конечно. Обычные шарлатаны. Велят смотреть в этот самый хрустальный шар, вроде бы там что-то видно. Карты раскладывают, ну, как цыгане, только у цыган это ловчее получается. Еще на рунах гадают... и деньги дерут!

– На рунах? – насторожился я. – И... как?

– Говорят, просят выбрать три этих... как их... ну, вы поняли! А по ним толкуют судьбу, – охотно пояснил Таусенд.

– Но это же делается совершенно не так... – пробормотал я, и он приподнял бровь:

– А вы откуда знаете?

– Наслышан, – коротко ответил я и перевел разговор на другую тему. Кажется, успешно, потому что инспектор вдруг хитро спросил:

– Мистер Кин, а вы опять на своем автомобиле?

– Точно так.

– Ну и как же вы поедете обратно в город потемну? – продолжал он допрос. Наше противостояние по поводу того, могу я водить машину или нет, длилось уже давно, и, по моему, мы оба уже не воспринимали его всерьез.

– А я не поеду в город, – не моргнув глазом солгал я. – Заночую у тетюшки, тут рукой подать. Фары светят ярко, и не думаю, что на проселочной дороге я встречу другой автомобиль, тем более в такой час. Не переживайте за меня так, инспектор!

– Да я больше переживаю за тех бедолаг, которые могут угодить вам под колеса, – хмыкнул он и посмотрел мне в глаза. – Послушайте-ка, мистер Кин, позвольте задать вам нескромный вопрос?

– Прошу, не стесняйтесь.

– Давно хочу спросить, да все к слову не приходится... – Он помолчал. – Я заметил, вы

левый глаз всегда чуточку прищуриваете, будто целитесь в кого... Стрельбой занимались?

– Всерьез – нет, – ответил я. Если честно, проделывал я это просто на всякий случай. А то случился со мной конфуз, когда я еще не приноровился к искусственному глазу. Кто-то хлопнул меня по плечу, а он возьми да выскочи... Хорошо еще, это произошло не на приеме! – Стрелять умею, конечно, и не так чтобы скверно, но не особенно люблю это занятие.

– Ну, вам, поди, целиться удобно! – хохотнул инспектор и вдруг смутился. – Извините, если обидел...

– Пустое, – улыбнулся я. А и правда, я об этом не задумывался!

– Вас, мистер Кин, о чем ни спроси, ничего вы не любите, – сказал Таусенд. – У вас, поди, даже хобби нет!

– Неправда! – запротестовал я. – Есть, да еще какое!

– Ну?

– Только между нами, – потребовал я. В конце концов, инспектор спасал меня от необходимости фланировать среди дам и имел право знать мой маленький секрет. – Цветоводство.

Лицо Таусенда приобрело неопишное выражение.

– Цветоводство?... – произнес он, смерив взглядом мою внушительную фигуру. Чтобы смотреть мне в лицо, инспектору приходилось заирать голову. – Это как моя Джейн, что ли? Всякие там... ромашки-лютики?

– Не совсем, – уклончиво ответил я. – Но очень вас прошу...

– Да уж можете не просить, все равно никто не поверит, – хмыкнул он. – Ладно там трубки коллекционировать, вот как я, или еще что, но...

– Ах вот в чем ваш секрет! – рассмеялся я. – Ну, квиты, инспектор!

– Квиты, – согласился он, и тут приятную беседу пришлось прервать: гостей пригласили к столу.

С одной стороны, мне повезло: удалось оказаться достаточно далеко от лорда Блумберри с его бесконечными лошадиными историями. С другой стороны, не очень: рядом очутилась чересчур пышно разодетая девица. Вернее, сперва я решил, что это замужняя дама – на ее пальцах и в ушах сияли бриллианты, – но вскоре выяснилось, что это не так. Кажется, семейство мисс Флип недавно переехало в наши края, поэтому прежде я ее не видел. С третьей стороны, мне снова повезло – напротив сидела миссис Таусенд и смотрела на меня с большим сочувствием. С четвертой тоже все было хорошо: по левую руку восседала пожилая миссис Фландерс, а тетюшка Мейбл (с которой я и парой слов не успел перемолвиться) с Сирилом оказались вовсе на другом конце стола.

Ужин длился бесконечно. О, повара у лорда Блумберри были выше всяческих похвал, а я никогда не откажусь от подобных яств, но все удовольствие от них мне отравляла необходимость развлекать юную соседку (миловидную шатенку с приятными ямочками на щеках). Я улыбался, внимательно слушал щебет мисс Флип, рассказывал ей о нашем городе, время от времени взглядывая на миссис Таусенд в поисках моральной поддержки, а сам с тоской ждал окончания ужина.

Наконец эта попытка завершилась, и джентльмены удалились, чтобы выкурить по сигаре, пока дамы будут пить чай и сплетничать. Я не курю, но табачный дым меня вовсе не раздражает (к тому же иного способа отделаться от дамского общества не существовало), поэтому проследовал за остальными. Вот тут-то мое везение и окончилось: я угодил прямо в

жаркие объятия лорда Блумберри, и он, выпуская ароматный дым, принялся рассказывать мне о своем новом скакуне со странной кличкой Наливное Яблочко и родословной едва ли не более длинной, чем у самого лорда. Оставалось только терпеть, внимать хозяину дома, кивать в нужных местах и подавать реплики вроде «вот как!», «да-да», «неужели?» и думать о том, что сейчас я мог бы сидеть у камина или в оранжерее среди своих малюток вместо того, чтобы настолько бездарно тратить время. Инспектор посматривал на меня с сочувствием, но помочь ничем не мог: в лошадях он не разбирался вовсе. А еще меня крайне интересовало, куда запропастился Сирил...

Когда наконец можно было откланяться, не нарушая никаких приличий, я ощущал себя так, словно прошагал миль двадцать по труднопроходимой местности, отбиваясь от опасных хищников, причем еще и тащил на спине набитый камнями мешок.

Откинувшись на спинку сиденья автомобиля, я посидел пару минут, приходя в себя, потом завел мотор и поехал домой. Окна я держал открытыми, чтобы выветрился запах табачного дыма и чтобы можно было надышаться ароматным ночным воздухом. Свет фар бежал впереди, надо мной плыла луна, как единственная фара какого-то небесного мотоциклиста, а я чувствовал страшную усталость.

И тут сзади посигналили. Я вздрогнул и чуть притормозил, заведя в зеркале заднего вида свет фар. Со мной поравнялся автомобиль инспектора, и он, высунувшись в окошко, прокричал:

– Я так и знал, что вы меня обманете, мистер Кин! И насчет цветоводства вы меня разыграли, верно?

Я только улыбнулся. Пусть думает как ему угодно!

– Ладно, если досюда доехали, то и до дома доберетесь, – фыркнул Таусенд. – Только не гоните!

Он умчался вперед, а я не хотел торопиться. Все равно вечер пропал...

– Ларример, – сказал я, входя в дом. Верный дворецкий не спал, дожидаясь меня. – Я смертельно устал.

– Понимаю, сэр, – скорбно сказал он и втянул ноздрями воздух. – И пропахли весь, как углежог...

– Да. Поэтому, Ларример, принесите мне... – Тут я передумал. – Нет, ничего не надо. Я иду спать. И не будите меня завтра.

– Хорошо, сэр, – сказал он. – Только позвольте забрать вашу одежду, сэр. Ее необходимо проветрить и вычистить.

– Разумеется.

Я дождался, пока он уйдет, а сам, облаченный в халат, достал из тайника (другого, у отца их было порядочно, в спальне в том числе) бутылку хорошего коньяка. Мне нужно было вознаградить себя за страдания...

Следующим утром я пребывал в крайне дурном настроении: голова болела так, будто я не спал вовсе.

Я спустился к завтраку сонный и разбитый, уселся за стол и раскрыл лежащую передо мной газету. Нужно непременно навестить моих питомцев – они всегда благотворно влияли на мое самочувствие!

Дворецкий, как всегда невозмутимый, поставил передо мной тарелку с какой-то непонятной размазней.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Руна феху – буквально «домашний скот», «благополучие». В самом общем виде, феху обозначает способность преумножать и сохранять богатство. В магии трижды повторенная руна феху использовалась для получения богатства. В прямом положении – имущество, выигранное или заработанное, доход, удача. Символ достатка. В перевернутом положении обозначает финансовые потери, неудачи, утрату завоеванных позиций, потерю собственности. Символ жадности.

Здесь и далее перевод с французского Ольги Шеляг.

Руна уруз – буквально «тур», «дикий бык». Символизирует личную силу – как физическую, так и психическую. В магии используется для омоложения и возвращения здоровья. В прямом положении – физическая сила и скорость, воплощение чего-то нового. Энергия, упорство, сексуальное желание, мужская потенция. В перевернутом положении – слабость, неоправданный риск, болезнь, зверство, насилие.

Руна турисаз – буквально «гигант» и «колючий шип». Руна мощи, слепой силы, конфликтов, хаоса. Недобрая и болезненная для гадающего, даже в прямом положении. Однако турисаз помогает и защититься от чужого недоброго воздействия. В прямом положении обозначает конфликты с окружающими, изменения, болезненные ситуации, очищающее пламя. Также указывает на различие (и конфликт) полов, сексуальность. Часто предупреждает о неожиданностях. В перевернутом положении – принуждение, уныние, преступное намерение.